СТРАСТИ МОЛОДАГО ВЕРТЕРА.

ЧАСТЬ II.

Вторымъ тисненїемъ.

Переведена

съ Нѣмецкаго.

ВЕРТЕРЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

ПИСЬМО XXXVIII.

Октября 20 дня 1771 году.

Вчерашнїй день мы приѣхали сюда. Министръ не домогаетъ, и нѣсколько дней не будетъ выѣзжать ни куда. Еслибъ онъ не былъ такъ суровъ, все бы было хорошо. Я примѣчаю, что судьба испытываетъ меня разными жестокостями. Однако да не унываю! Легкомыслїе все переноситъ, какъ легкомыслїе! Не могу удержаться отъ смѣху, какъ написалъ я сїе слово. О! когда бы мнѣ хотя мало легкомыслїя, я бы былъ благополучнѣй-

шимъ во всей подсолнешной! Какъ! Когда другіе съ малыми силами и дарованіями имѣютъ предо мною удовольственнѣйшій на свѣтѣ видъ, я ли отчаеваюсь со способностями и дарованіями своими! Боже милосердный! Ты, который изліялъ на меня толь щедро всѣ сіи благости, по что лутче не скрылъ оныхъ половины отъ меня, и не наградилъ больше спокойствіемъ духа и довѣренностію къ самому себѣ?

Да возъиму терпѣніе! Все будетъ благополучно. Я етого надѣюсь, и признаюсь тебѣ, другъ мой, что ты правду говорилъ. Съ тѣхъ поръ, какъ я сталъ ежедневно обращаться съ людьми, и примѣчать ихъ дѣянія, со мною сдѣлалось гораздо лутче. Когда мы такъ сотворены, что все сравниваемъ съ собою, и себя со всемъ, то щастіе и нещастіе наше зависятъ только отъ предмѣтовъ, коимъ себя примѣняемъ, и въ семъ

случаѣ опаснѣе всего уединенїе. Тогда воображенїе наше, стремящееся всегда къ возвышенїю себя, подкрѣпляется новыми силами, паритъ на крылахъ стихотворческихъ, и представляетъ себѣ тысячи существъ величественнѣе и совершеннѣе насъ. И сїе весьма естественно: мы часто чувствуемъ свои недостатки, и чего въ насъ не достаетъ, то кажется намъ, что находимъ въ другихъ и сверхъ того приписываемъ имъ еще и свои собственныя дарованїя, такъ что послѣ сами вопїемъ: се совершенный, се щастливый человѣкъ! Но совершенство и щастїе сїе раждается только отъ дѣйствїя нашего воображенїя.

На противъ того, если мы не смотря на свою слабость и томленїе непрестанно слѣдуемъ своимъ путемъ, то часто находимъ, что мы и противнымъ вѣтромъ далѣе преплываемъ, нежели тотъ,

кому оный дуетъ во всѣ паруса — и — однако сіе есть истинное ощущеніе самаго себя, когда мы равняемся съ другими или еще и превосходимъ другихъ.

ПИСЬМО XXXIX. *Ноября* 10.

Состояніе мое становится здѣсь сноснѣе. Всего лутче для меня то, что довольно имѣю дѣла, и разнаго состоянія люди и разные новые виды представляютъ душѣ моей восхитительнѣйшее позорище. Я познакомился съ Графомъ С — къ коему почтеніе мое ежедневно умножается. Онъ имѣетъ обширный и проницательный разумъ, и видитъ далѣе другихъ; но сіе не дѣлаетъ его холоднымъ; чувствительность его къ дружбѣ и къ любви сіяетъ въ немъ паче всѣхъ его достоинствъ. Въ первый разъ явилъ онъ ко мнѣ свое благоволеніе, когда я утромъ пришелъ къ нему съ дѣлами, и съ первыхъ

словѣ узналъ, что мы другъ друга разумѣемъ, и что иначе со мною говорить можетъ, нежели съ другими. И такъ я нахвалиться не могу благосклоннымъ его со мною обхожденїемъ. Ибо нѣтъ большаго въ свѣтѣ удовольствїя, какъ видѣть толь великую и благородную душу, толь къ себѣ откровенную и благоприятную.

ПИСЬМО XL. Декабря 24.

Я предвидѣлъ, что буду огорченъ Министромъ. Такого щекотливаго дурака въ цѣломъ свѣтѣ не сыщешь. Онъ ходитъ такъ, что едва ногу за ногою волочитъ, и разборчивъ какъ старая баба. Человѣкъ, которой никогда самъ собою не доволенъ, можетъ ли быть доволенъ другими? Я люблю, чтобы у меня дѣло летѣло, и что сдѣлано, то бы было сдѣлано. Но нѣтъ! онъ отдаетъ мнѣ бумагу на задъ и говоритъ: Это изрядно,

однако просмотри еще разъ, не сыщется ли словца или чего другаго поприличнѣе. Тогда лутче бы меня чортъ взялъ, нежели ето слышать. У него не пропусти ни одного союза *ибо* или *понеже*, а другихъ оборотовъ, которые я иногда дѣлаю, смертельно терпѣть не может. Ежели же станешь читать ему перїоды не по приказному, то онъ ничего не понимаетъ. Не мученїе ли имѣть дѣло съ такимъ человѣкомъ?

Милость и довѣренность Графа С — одна только меня утѣшаетъ. Недавно разговаривая со мною признался мнѣ чистосердечно, сколь онъ недоволенъ медлительностїю и затрудненїями моего начальника. Таковаго свойства люди тяготятъ все и себѣ и другимъ. Однако, примолвилъ Графъ, надобно повиноваться по примѣру путника, которой иногда принужденъ бываетъ ползти черезъ

крутую гору. Еслибъ ее не было на пути, дорога была бы спокойнѣе и короче; но она уже есть! такъ надобно необходимо чрезъ нее перелазить! —

Старикъ мой примѣчаетъ, что Графъ дѣлаетъ мнѣ нѣкоторое предъ нимъ преимущество. Ето его бѣситъ и онъ не упускаетъ ни одного случая, что бы не сказать мнѣ объ немъ чего нибудь дурнаго. Я его защищаю, какъ и должно, а чрезъ сїе дѣло идетъ часъ отъ часу хуже. Вчера онъ разсуждая о Графѣ, мѣтилъ и на меня. Графъ, говорилъ онъ, къ свѣтскимъ дѣламъ довольно способенъ; онъ пишетъ проворно, и слогъ имѣетъ не худой, но въ немъ не достаетъ основательнаго ученїя какъ и во всѣхъ изящныхъ умахъ. Сїе мнѣ такъ было досадно слышать, что я бы его за ето прибилъ, по тому что съ такимъ грубїяномъ не къ чему долго разсуждать; но какъ сего сдѣлать

было не можно, то съ нарочитою твердостїю примолвилъ я: Графъ такой человѣкъ, котораго надлежитъ почитать и по его достоинству и по его знанїю. Я не видалъ еще никого, продолжалъ я, кто бы такъ далеко какъ онъ, распространилъ свое свѣдѣнїе обо всемъ, не потерявъ при томъ прилѣжанїя и къ общежитїю. Но сїе было Алгебраическою задачею для сей непонятной головы, и я потомъ вышелъ вонъ, дабы онъ не разгорячилъ меня еще больше какою либо нелѣпостїю.

Вы всему етому нещастїю причиною, вы, которые принудили меня взять на себя сїе иго, и толь часто твердили мнѣ о трудолюбїи. Но если тотъ, которой садитъ самъ земляныя яблоки, и въ торговые дни ходитъ продавать оныя въ городъ, больше меня трудится, то я соглашаюсь еще десять лѣтъ остаться въ сей ка-

торгѣ, въ которой теперь заключенъ.

Сверхъ сего какая здѣсь несносная скука между непросвѣщенными людьми, имѣющими по выбору знакомство! Какое высокомѣрїе въ чинахъ! Какъ они рвутся и домогаются другъ передъ другомъ, чтобы выиграть хотя одинъ шагъ! Въ примѣръ скажу тебѣ о женщинѣ, которая всѣмъ уши прожурчала своимъ дворянствомъ и помѣстьемъ; всякъ посторонній человѣкъ думаетъ теперь объ ней, что она сумашедшая, которой благородство и родовая деревня голову вскружили — Но что и того досаднѣе, сїя самая госпожа не иное что, какъ дочь одного въ сосѣдствѣ управительскаго Секретаря— Другъ мой, понять не могу, какъ люди доходятъ до такого безумїя, что симъ образомъ сами себя уничижаютъ.

Правда, я ежедневно больше примѣчаю, сколь неблагоразумно есть

судить о другихъ по себѣ. И поелику самъ не могу утолить волненїя крови и успокоить своего сердца, то позволяю охотно слѣдовать каждому своимъ путемъ, только бы и мнѣ таковуюжъ свободу предоставляли.

Однако несноснѣе всего для меня гражданскїя отличности. Ибо хотя я и самъ не менше другаго знаю, сколь нужно различїе между людьми, и сколь оно полезно и для меня, но не желаю, чтобы оное встрѣчалось мнѣ на пути тамъ, гдѣ могу еще наслаждаться нѣкоторымъ удовольствїемъ или тѣнїю благополучїя въ семъ мїрѣ.

Недавно познакомился я съ дѣвицею фонъ Б — весьма любви достойною, которая не смотря на грубое ея воспитанїе, отъ природы имѣетъ превосходныя дарованїя. Мы другъ другу въ разговорахъ понравились, и я разставаясь съ нею просилъ дозволенїя ее посѣ-

тить. Она приняла сіе съ такою благосклонностію, что заставила меня съ нетерпѣливостію ожидать удобнаго къ тому случая. Она не здѣшняя, и живетъ у тетки. Жеманной видъ сей старухи со всемъ мнѣ не понравился. Однако я оказывалъ ей всевозможное учтивство, и часто начиналъ съ нею говорить, по чему тотъ часъ узналъ, какъ послѣ того и дѣвица Б — сама мнѣ открыла, что возлюбленная ея тетушка уже въ лѣтахъ, и при томъ скудна и имѣніемъ и умомъ, подпорою имѣетъ одну только предлинную родословную, защитою одно свое пустое дворянство, а удовольствіемъ смотрѣть только чрезъ цѣлый день изъ своего терема на прохожихъ мѣщанъ. Съ молодыхъ лѣтъ видно она была не дурна, и такъ жизнь свою изжила, что съ начала въ златой свой вѣкъ измучила своенравіемъ своимъ одного бѣднаго молодчика, по томъ когда

прелести ея обветшали, и настал медный век, она принуждена была довольствоваться старым Офицером и покоряться его воле, покуда он не умер, наконец когда теперь наступил век железный и она осталась одна, то никто бы на нее и взглянуть не захотел, если бы племянница ея не была столь любви достойна.

ПИСЬМО XLI. Генваря 8 1772 году

Что ето за люди, коих все помышления привязаны к церемониалу, и чрез целый год того только домогаются, чтобы за столом сидеть хотя одним стулом выше другаго? Но не думай, чтобы сие происходило от праздности, нет, они усугубляют еще свои труды, предоставляя для сих пустошей то время, которое бы им надлежало употребить на важнейшия упражнения. На прошлой неделе согласились мы катать-

ся въ саняхъ; споръ зашелъ, кому ѣхать прежде по старшинству, и катанье рушилось.

О безумные, которые не смыслятъ, что истинная знатность познается не по мѣстамъ, и что тотъ, которой занимаетъ первое изъ оныхъ, не всегда имѣетъ первенство! Не рѣдко Государь управляется Министромъ, Министръ Секретаремъ. Кто же изъ нихъ тогда первый? мнѣ кажется, что тотъ, которой другихъ просвѣщеннѣе и столько имѣетъ силы или проворства, что слабости ихъ или страсти употребляетъ къ произведенію въ дѣйство своихъ предприятій.

ПИСЬМО XLII. Генваря 20.

Я пишу къ тебѣ, возлюбленная Шарлота, изъ крестьянской хижины, въ которую загнала меня дурная погода. Чрезъ все пребываніе мое въ семъ скучномъ городѣ Д. .

посредѣ незнакомыхъ, и со всемъ чуждыхъ моему сердцу. мысль моя ни однажды не напоминала мнѣ къ тебѣ писать; но въ сей хижинѣ, въ семъ убѣжищѣ или такъ сказать въ темницѣ, гдѣ снѣгъ и градъ свирѣпствуютъ противу малаго окошка; ты первая предстала моему воображенію. Какъ скоро я вошелъ въ оную, образъ твой и напоминовеніе объяли мою душу, о возлюбленная моя! сколь свято, сколь восхитительно! Великій Боже! возврати мгновеніе, въ которое я въ первый разъ ее узрѣлъ!

Еслибъ ты видѣла меня въ семъ вихрѣ, гдѣ все разсѣваетъ мои мысли. но ничто меня не трогаетъ! Ахъ, какъ чувства мои исхохли! Нѣтъ мгновенія, въ которое бы духъ мой томился, нѣтъ того, въ которое бы. слезы лилися отъ сладчайшей чувствительности! Ничто, ничто меня не привлекаетъ! Я здѣсь, какъ въ нѣкоторыхъ любопытныхъ представленіяхъ, вижу

множество движущихся куколъ, и самъ себя вопрошаю: не мечта ли ето оптическая? Я ими забавляюсь или лутче сказать, онѣ мною забавляются; иногда беру за руку сосѣда, возлѣ меня сидящаго, но чувствую, что она одеревенѣлая и съ трепетомъ опять оную отвергаю.

Здѣсь нашелъ я одну только особу одного съ тобою пола, дѣвицу Б — Она тебѣ подобна, возлюбленная Шарлота! если только можно тебѣ уподобиться. Екъ онъ, скажешь ты, научился какимъ нѣжнымъ привѣтствїямъ! Ето нѣсколько справедливо. Съ нѣкотораго времени сдѣлался такъ вѣжливъ, не могши быть ничемъ другимъ, такъ остроумнымъ, что дамы говорятъ, что никто меня лутче привѣтствовать не можетъ, слѣдственно и лгать, примолвишь ты, по тому что одно безъ другаго быть не можетъ. Но я хотѣлъ расказать тебѣ о дѣвицѣ Б. —

Она весьма чувствительна и разумна, и оба сіи достоинства написаны на прекрасныхъ голубыхъ ея очахъ. Знатность свою почитаетъ она такимъ для себя бременемъ, которое ни единаго сердечнаго ея желанія не удовлетворяетъ, и она охотно бы желала избавиться отъ сего праху. Часто препровождаемъ мы съ нею мысленно пріятнѣйшіе часы въ вожделѣннѣйшемъ убѣжищѣ, ахъ! и возлѣ тебя, божественная Шарлота! Ибо она уже тебя знаетъ, и должное воздаетъ тебѣ приношеніе, приношеніе непринужденное; слушаетъ съ удовольствіемъ мои о тебѣ похвалы, тебя любитъ —

Увы! Для чего я не у ногъ твоихъ въ любезнѣйшемъ твоемъ покоѣ, между тѣмъ какъ возлюбленные наши дѣти рѣзвятся и прыгаютъ около насъ! И когда шумъ ихъ тебѣ наскучилъ, я бы расказывалъ имъ сказочку, и они тѣ-

снились бы около меня въ молчанiи. Солнце заходитъ подъ горизонтъ, и послѣдними лучами освѣщаетъ снѣжныя поля. Метель утихла, а я опять возвратиться долженъ въ свою клѣтку. Прости! У тебя ли Албертъ? И какъ — ? Безумный! Что ты ето вопрошаешь?

ПИСЬМО XLIII. Февраля 17.

Мнѣ кажется, что мы долго не уживемся съ Министромъ. Онъ человѣкъ самый несноснѣйшiй. Способъ его въ производствѣ и отправленiи дѣлъ такъ страненъ, что я не могу удержаться, чтобы ему въ томъ не противурѣчить, и иногда предлагать по своему, а онъ также не упускаетъ случаю хулить сдѣланнаго мною. Недавно писалъ онъ о семъ съ жалобою ко двору, и я получилъ отъ перваго Министра за то выговоръ, хотя и небольшой, однако все выговоръ, и хотѣлъ было уже про-

сить отставки, какъ между тѣмъ вручили мнѣ отъ него особливое письмо (*), письмо, предъ коимъ палъ я на колѣни, и покланялся премудрости, величеству и благородству разума, который оное писалъ. Какъ успокоеваетъ онъ чрезмѣрную мою чувствительность! какъ высоко цѣнитъ мои предприятія, могущія быть полезными! какъ вникаетъ въ дѣла и мысли молодаго и предпріимчиваго человѣка! какъ уговариваетъ меня не утолять, но умѣрить и ограничивать мои движенія, дабы оныя могли производить надлежащее дѣйствіе! Я теперь ободренъ и самъ собою доволенъ, по крайней мѣрѣ на недѣлю. Нѣтъ приятнѣе вещи, другъ мой, какъ спокойствіе

(*) Оное опущено здѣсь отъ почтенія къ сей превосходной особѣ, также многія и другія его письма, о коихъ ниже упомянуто будетъ, дабы благодарная публика за таковое дерзновеніе взыскивать не стала.

душевное и довольствіе съ самимъ собою, но сколь оно драгоцѣнно, столь напротивъ того и тлѣнно.

ПИСЬМО XLIV, Февраля 20.

Богъ да благословитъ васъ, любезные друзья мои, и да подастъ вамъ щастливые дни, коихъ мнѣ не предоставилъ!

Благодарю тебя, Албертъ, за твой обманъ; я и ожидалъ извѣстія о назначеніи дня свадьбы, и въ оной то намѣренъ былъ торжественно снять со стѣны портретъ Шарлотинъ и погребсти его между протчими моими бумагами. Но вы уже сочетаны, а портретъ ея еще здѣсь! Пусть онъ такъ и останется! Да и для чего бы ему и не остаться? Развѣ я отдѣленъ отъ васъ? и не занимаю мѣста въ Шарлотиномъ сердцѣ? Ты можешь позволить, чтобы я былъ въ немъ вторымъ помѣщенъ, я хочу и долженъ сіе соблюсти;

инако жизни бы лишился, еслибъ она могла забыть — Албертъ, мысль сія представляетъ мнѣ свирѣпый адъ. Албертъ, будь щастливъ! Ангелъ небесный, Шарлота, будь благополучнѣйшая изъ смертныхъ!

ПИСЬМО XLV, Марта 15.

Мнѣ случилась такая досада, которая меня безъ сомнѣнія отсюда выгонитъ. Я взбѣшенъ до безумія. Передѣлать же етого никакъ не льзя, а всему етому злу вы одни виноваты, вы которые ко мнѣ приступали, мучили, терзали, чтобы я вступилъ въ должность, со всемъ мнѣ несродную. Теперь то я хорошъ, да не худы и вы. Но не скажи опять, что пылкость моего нрава все портитъ, какъ ты обыкновенно говоришь, прибавя къ тому: вотъ, государь мой, простая и ясная повѣсть, каковой и исправнѣйшій лѣтописецъ лучше расказать не можетъ.

Графъ С — меня любитъ и отличаетъ; сїе всѣмъ извѣстно, и сто разъ уже тебѣ было мною говорено. Вчера я у него обѣдалъ, а послѣ полудня собралось къ нему все знатное дворянство на вечеринку, по тому что оный день былъ къ тому назначенъ; но я со всемъ етого не зналъ, а и того менше думалъ, что наша братья подчиненные къ оной приглашены не бываютъ. Нужды нѣтъ. Я обѣдалъ у Графа, и вставъ изъ за стола пошли мы въ залъ и расхаживая по оному, поразговорились съ нимъ и Полковникомъ Б — а между тѣмъ часъ съѣзда нечувствительно наступилъ. Богъ свидѣтель, я не имѣлъ никакого намѣренїя! Прїѣзжаетъ высокопочтенная, высокомилостивая госпожа С — съ супругомъ своимъ и благовоспитанною своею дщерїю, имѣющею плоскую грудь и щегольскїй станъ. Они прошли мимо меня съ надменнымъ видомъ и вздернувъ носъ

къ верху. А какъ таковые поступки для меня весьма несносны, я тотъ часъ хотѣлъ было выттти; и ждалъ только пока Графъ освободится отъ скучнаго ихъ болтанія, чтобы ему откланяться, какъ между тѣмъ вошла любезная моя дѣвица Б— Сіе принудило меня остаться, потому что я всегда взираю на нее съ нѣкоторымъ удовольствіемъ. Я сталъ за ея стуломъ, началъ съ нею разговаривать и примѣтилъ, спустя нѣсколько времени, что она не такъ вольно со мною говорила какъ прежде, но съ нѣкоторымъ принужденіемъ. Ето меня весьма тронуло. Что за діавольщина, думалъ я самъ въ себѣ, развѣ и она такова же, какъ и тѣ? Досадуя на сіе хотѣлъ было уйти, но желая узнать въ тонкость дѣло, опять остановился. На ту пору всѣ гости уже собралися, и между прочими пріѣхали Баронъ Ф— въ томъ одѣяніи, которое онъ

дѣлалъ въ коронацїи Францискa I, также Надворной Совѣтникъ съ глухою и старою своею женою, и г. I — коего старинный Готскїй нарядъ составлялъ съ нынѣшнимъ отличностїю своею весьма приятное зрѣлище.

Я разговаривалъ съ нѣкоторыми моими знакомыми, коихъ отвѣты были весьма кратки. Я думалъ — и обратилъ все свое вниманїе на дѣвицу Б — такъ что и не примѣтилъ того, что женщины въ концѣ зала между собою перешептывались, что шептанье сїе доходило уже и до мущинъ, и что госпожа С — съ великимъ жаромъ говорила съ Графомъ (какъ то все сїе объявила мнѣ послѣ того дѣвица Б — пока на конецъ Графъ отведши меня за руку къ окну сказалъ мнѣ: тебѣ извѣстны глупые наши обряды; я вижу, что собранїе недовольно тѣмъ, что ты здѣсь; я бы не для чего на свѣтѣ не хотѣлъ — Извините меня, Ва-

ше Сïятельство, продолжалъ я, мнѣ надлежало бы прежде о семъ догадаться; но я увѣренъ, что вы отпустите мнѣ сïю неосторожность. Правда, примолвилъ я, съ улыбкою при прощанïи съ нимъ, я было и хотѣлъ съ начала откланяться, но самъ не знаю, что меня поудержало. Графъ пожалъ мою руку съ такимъ видомъ, которой изъявлялъ мнѣ всю его чувствительность, а я поклонясь всему знатному собранïю, сѣлъ въ свою колясочку и поѣхалъ за городъ въ М — смотрѣть тамъ съ холма на закатъ солнца и утѣшаться величественными пѣсьнями Омира объ угощенïи Улиса, владѣтеля Ифакскаго нѣкоимъ добродѣтельнымъ пастухомъ.

Въ вечеру прïѣхалъ я опять къ Графу на ужинъ. Вошедъ въ гостинную, засталъ еще нѣкоторыхъ гостей, которые поднявъ уголъ скатерти накрытаго стола, играли въ кости. На ту пору при-

шелъ А — человѣкъ добрый, которой увидѣвъ меня, ко мнѣ подошелъ и сказалъ тихонько: я слышелъ, что ты обиженъ — Я? — Графъ велѣлъ тебя вывести изъ собранія. Продолжалъ онъ — Чортъ ихъ возьми, примолвилъ я, я радъ былъ, что вышелъ на свѣжій воздухъ — А я радъ, прервалъ онъ, что ты принимаешь сіе съ такою холодностію, но жаль, что объ етомъ уже вездѣ толкуютъ иначе — Тогда и мнѣ приключеніе сіе показалось со всемъ другимъ. Всѣ бывшіе за столомъ на меня глядѣли, и я приписывалъ сіе оному произшествію! Горесть объяла мое сердце.

Теперь куда я ни приду, вездѣ слышу сожалѣніе о себѣ, а съ другой стороны радость своихъ завистниковъ, которые говорятъ: ето впередъ наука для надменныхъ тварей, которыя пренебрегаютъ обычаями, и не по мѣрѣ подымаютъ носъ, и другія оказываютъ подоб-

ныя грубости. Таковые слухи пронзают мое сердце. И такъ, чтобы мнѣ ни говорили о твердости духа, я ни чему не повѣрю, и желалъ бы видѣть, ктобы стерпѣлъ сіе, чтобы невѣжи его злословили, и брали бы надъ нимъ верхъ. Правда, если ихъ слова ничего не значатъ, то оныя легко можно пускать мимо ушей.

ПИСЬМО XLVI. Марта 16.

Всѣ обстоятельства до крайности меня приводятъ! сего дня встрѣтился я съ дѣвицею Б — въ аллеѣ, и не могъ удержаться, чтобы не подойти къ ней и не изъяснить моей чувствительности о перемѣнномъ ея со мною поступкѣ. Ахъ! Вертеръ, сказала она мнѣ съ прискорбнымъ видомъ, можешь ли ты такъ не право судить о тогдашнемъ моемъ замѣшательствѣ, знавъ толь коротко мое сердце? Я внутренно за тебя терзалась, какъ скоро вошла въ

гостиную комнату, предвидя чему воспослѣдовать надлежало, и тысячу разъ хотѣла тебя о томъ предупредить, зная, что госпожа фонъ С — и Т — со своими мужьями сами скорѣе уѣдутъ, нежели позволятъ тебѣ быть въ своемъ обществѣ, и что Графу не льзя ихъ не уважить, а теперь слухи — Какiе, спросилъ я, скрывая мое смущенiе? Ибо слышанное мною на канунѣ отъ Аделина тотъ часъ пришло мнѣ на мысль, и глаза у меня кровью затекли — Ахъ! какъ дорого ето мнѣ стоитъ, продолжала со слезами сiя любви достойная дѣвица! Я не опомнился, и хотѣлъ броситься къ ея ногамъ; но ради Бога, скажите яснѣе, вскричалъ я. Слезы текли у нее по щекамъ, я былъ внѣ себя. Она отирала оныя, не стараясь скрывать ихъ отъ меня. Ты знаешь мою тетушку, продолжала она; она тутъ же была, но съ какимъ видомъ смотрѣла она на сiе произше-

ствіе! Ахъ! Вертеръ! какія колкія укоризны вытерпѣла и вчерашній и нынѣшній день, за мои съ тобою разговоры? Я по неволѣ слушала всѣ ея нареканія, и не смѣла тебя защищать, какъ только весьма слабо.

Каждое ея слово пронзало, какъ ножъ острый, мое сердце. Она не поминая того, что отъ сожалѣнія ко мнѣ должна была все оное отъ меня скрыть . . . но вы, присовокупила къ тому и тѣ ругательства, которыя о семъ еще впредь воспослѣдовать могутъ, также и сіе какъ злодѣи мои надо мною торжествовать станутъ и какъ веселятся они теперь, что честолюбіе мое и малое уваженіе къ другимъ наказаны, въ чемъ меня многіе часто укоряли. Сіе то объявила она мнѣ съ чувствительнѣйшимъ выраженіемъ. Я былъ въ крайнемъ смущеніи, ярость мною и теперь обладаетъ. Желалъ бы я, чтобы кто нибудь дерзнулъ надо мною

симЪ посмѣяться, дабы вонзить ему вЪ грудь свою шпагу! Мнѣ кажется, что проливЪ кровь, былЪ бы я спокоенЪ. АхЪ! сто разЪ хватался я за кинжалЪ, чтобы растворить рану и дать свободное теченїе воздуху кЪ сему стѣсненному сердцу. Ибо расказываютЪ о нѣкоторыхЪ лошадяхЪ, что онѣ разгорячась скорымЪ бѣгомЪ, прокусываютЪ сами себѣ жилу, дабы свободнѣе дышать. ТакЪ и я не рѣдко покушаюсь отворить себѣ жилу, чтобы успокоиться на вѣки.

ПИСЬМО XLVII. Марта 24.

Я писалЪ ко двору обЪ увольненїи меня, которое вскорѣ получить надѣюсь; и вы меня простите, что я о семЪ прежде сЪ вами не посовѣтовался. Мнѣ на конецЪ надлежало непремѣнно отсюда выѣхать; я же зналЪ, что вы уговаривать станете, чтобы остаться, и для того — прошу тебя

какъ возможно осторожнѣе увѣдоми о семъ мою матушку, я самъ не знаю, что мнѣ съ собою дѣлать, такъ могу ли я ей пособить? Она безъ сомнѣнія симъ извѣстіемъ огорчится, когда узнаетъ, что толь нечаянымъ случаемъ пресѣкается путь къ щастію ея сыну, которому съ начала прямо слѣдовало бы быть Тайнымъ Совѣтникомъ, а потомъ заступить посланничье мѣсто. Разсуждайте о семъ какъ хотите, и исчисляйте всѣ причины, которыя бы меня удержать долженствовали, однако я отъѣзжаю, но чтобы вы знали куды, то скажу вамъ, что здѣсь есть Князь фонъ . . которому я весьма полюбился, и который свѣдавъ о моемъ намѣреніи, зоветъ меня съ собою на весну въ деревню. Онъ обѣщалъ мнѣ совершенную свободу, и какъ мы уже во всемъ, окромѣ одного, съ нимъ договорились, то я отваживаюсь попытать щастія, и отправиться съ нимъ.

ПИСЬМО XLVIII. Апрѣля 19.

Благодарю тебя за оба твои письма. Я не отвѣчалъ вамъ на оныя, покуда не получилъ увольненія отъ двора, опасаяся, чтобы матушка не прибѣгнула съ прозьбою къ Министру и не уничтожила бы моего предприятія. Но теперь дѣло уже сдѣлано, и я посылаю при семъ мой атестатъ. Въ протчемъ не хочу объявить вамъ, съ какимъ сожалѣніемъ оный мнѣ данъ, ни того, что писалъ ко мнѣ Министръ, дабы не возобновить вашего соболѣзнованія. Наслѣдный Принцъ пожаловалъ мнѣ двадцать пять червонцовъ при записочкѣ, которая меня до слезъ привела. И такъ теперь не нужны мнѣ тѣ деньги, коихъ я просилъ у матушки.

ПИСЬМО XLIX. Майя 5.

Я завтра со всемъ отправлюсь, и какъ мѣсто моего рожденія находится въ шести только миляхъ въ сто-

рону отъ дороги, то намѣренъ оное посѣтить и привести себѣ на память тѣ щасшливые дни моей юности, которые какъ будто во снѣ прошли. Я нарочно въѣду тѣми самыми воротами, которыми матушка выѣхала со мною оттуда по кончинѣ батюшкиной, оставляя любезное оное убѣжище, и переселяясь въ несносный вашъ городъ. Прости, другъ мой, ты конечно будешь увѣдомленъ о моемъ путешествiи.

ПИСЬМО L. *Майя* 9.

Я окончилъ свое путешествiе къ мѣсту моего рожденiя съ усердiемъ свойственнымъ Пелегрину, и никакъ не ожидалъ, чтобы видъ онаго произвелъ во мнѣ такiя чувства. За версту отъ города близь большой липы, я вышелъ изъ коляски, и отпустилъ оную въ передъ, а самъ пошелъ пѣшкомъ, чтобы свободнѣе и живѣе воспол-

зоваться напоминовенїемъ прошедшихъ дней. Тутъ я подъ сею липою остановился, бывшею прежде цѣлью и предѣломъ моихъ прогулокъ. Ахъ какъ все перемѣнилось! Тогда въ щастливомъ моемъ невѣжествѣ воздыхалъ я по неизвѣстномъ мнѣ свѣтѣ; въ коемъ надѣялся найти всѣ сладости, толь желаемыя моимъ сердцемъ. Теперь возвратился я изъ сего привлекательнаго свѣта, но чтожъ я привезъ изъ него? — О другъ мой! обманутую надежду и намѣренїя неудачны — Я осматривалъ горы, которыя были предо мною, и вспомнилъ колико кратъ были онѣ предметомъ моихъ желанїй. Тогда просиживалъ я по нѣскольку часовъ глядя на нихъ, и посвящалъ себя лѣсамъ и лугамъ, которые представлялись мнѣ въ прiятнѣйшемъ видѣ, осѣненные прохладною тѣнью — и съ какою опять досадою оставлялъ ихъ, когда проходили часы отдохновенїя!

Приближась къ городу, привѣтствовалъ я всѣ знакомые мнѣ садики и бесѣдки, но заведенные вновь мнѣ не понравились, также и другія предпринятыя перемѣны. На конецъ вошелъ я въ вороты и почувствовалъ въ себѣ со всемъ другую перемѣну. Однако я не намѣренъ, любезный другъ, входить въ подробности, сколь оныя для меня восхитительны были, по тому что таковое повѣствованіе было бы только повтореніемъ прежняго. Желаніе мое было жить на площади возлѣ стараго нашего дому; вошедъ въ оной увидѣлъ, что комната, въ которой мы учились подъ смотрѣніемъ почтенной нашей старушки, передѣлана въ лавку. Тогда пришли мнѣ на мысль слезы, тоска и принужденіе, испытанныя мною въ сей клеткѣ — Каждый шагъ былъ для меня примѣчателенъ, и восхищеніе мое было безподобно — Каждый взглядъ раждалъ тысячу воображе-

нїй. Я спустился по рѣкѣ къ загородному дому, которой былъ также любимымъ моимъ гуляньемъ и осмотрѣлъ мѣсто, гдѣ прежде съ товарищами моими забавлялся, бросая плоскїе камышки въ воду — чей лучше выпрыгивать станетъ. Вспомнилъ при томъ и сїе, какъ иногда стоя на берегу провожалъ глазами теченїе рѣки въ нѣкоторыхъ странныхъ мысляхъ о тѣхъ земляхъ, которыя она напоять должна; но воображенїе мое скоро достигало своихъ предѣловъ, а вода непрестанно текла далѣе, пока взоръ со всемъ терялся въ безконечной отдаленности. Скажи, другъ мой, не точно ли такое было мнѣнїе и достопочтенныхъ нашихъ предковъ? Когда Улисъ называетъ море неизмѣримымъ, а землю безпредѣльною, не справедливо ли, не естественно ли, и непонятнѣе ли его слова, нежели понятїя нынѣшнихъ учениковъ, которые за высочайшую щитаютъ

премудрость, ежели подражая своимъ наставникамъ, могутъ сказать, что видъ земли есть круглый?

Теперь я съ Княземъ въ одномъ охотничьемъ его дворѣ. Сей господинъ прямо искренняго и откровеннаго сердца, и я еще имъ весьма доволенъ. Иногда не нравится мнѣ въ немъ одно то, что онъ часто говоритъ о вещахъ, о которыхъ только читалъ или слышалъ отъ другихъ, и при томъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они ему ихъ представляли.

Сверхъ сего досадно мнѣ, что онъ больше почитаетъ мой разумъ и знанїе, нежели сердце, въ коемъ все мое честолюбїе ограничивается и которое есть источникъ всего щастїя и нещастїя. Увы! всякъ можетъ быть такъ знающъ и ученъ какъ я, но сердце мое на свѣтѣ только одно.

ПИСЬМО LI. Майя 25.

Я имѣлъ намѣренїе, которое хотѣлъ отъ васъ скрыть, пока не произведу онаго въ дѣйство, но какъ мнѣ того сдѣлать не удалось, то теперь могу вамъ о семъ объявить. Я хотѣлъ вступить въ военную службу. Сїе давно уже было у меня на умѣ, и особливо понудило меня ѣхать съ Княземъ, которой Генераломъ въ —. Я открылъ ему сїе намѣренїе прогуливаяся съ нимъ, но онъ столь основательно оное опровергнулъ, что развѣ бы я былъ сумашедшїй, что бы не призналъ представленїй его самыми справедливѣйшими.

ПИСЬМО LII. Іюня 11.

Говори, что хочешь, я не могу долѣе здѣсь быть. Что мнѣ дѣлать? Скука меня съѣдаетъ. Правда, Князь обходится со мною какъ съ равнымъ себѣ, но я не въ духѣ. Сверхъ сего мы ничего между

собою сходнаго не имѣемъ. Онъ человѣкъ разумный, однако разумъ его обыкновенный; разговоръ его столько же меня занимаетъ, сколько хорошая книга. Еще пробуду я здѣсь недѣлю; по томъ опять поѣду странствовать. Все, что сдѣлалъ я тутъ наилучшее, состоитъ въ моихъ рисункахъ. Князь довольно имѣетъ вкусу въ художествѣ, и больше бы еще имѣлъ онаго, если бы не столько прилѣплялся къ пустымъ правиламъ и выраженїямъ. Иногда крайне досадую на него, что когда я представлю ему съ живѣйшимъ выраженїемъ въ одной картинѣ и искусство и природу, то онъ все знанїе свое полагаетъ въ томъ, чтобы выговорить только нѣсколько ученыхъ словъ, какъ знающїй художникъ.

ПИСЬМО LIII. Іюля 18.

Куды я ѣду? скажу тебѣ сїе за тайну. Я здѣсь пробуду еще

двѣ недѣли, по томъ отправлюсь къ рудокопнымъ заводамъ — которые мнѣ давно уже хотѣлось видѣть. Но ето пустой только предлогъ; мнѣ хочется приближиться къ Шарлотѣ, и все тутъ. Я самъ смѣюсь надъ моимъ сердцемъ — однако исполняю его волю.

ПИСЬМО LIV. Іюля 29.

Нѣтъ, ето хорошо, и все хорошо! Мнѣ быть ея мужемъ! О боже, создавый мя! еслибъ ты предопредѣлилъ мнѣ сіе блаженство, жизнь моя была бы непрестаннымъ тебѣ возблагодареніемъ! Но я не ропщу противу твоихъ опредѣленій. Отпусти мнѣ мои слезы! отпусти суетныя мои желанія — Чтобы она была моею супругою! Если бы я имѣлъ въ объятіяхъ моихъ возлюбленнѣйшее во всей подсолнечной созданіе — Другъ мой, я весь дрожу, когда Албертъ ее обнимаетъ.

Сказать ли мнѣ свое мнѣнїе? Да для челожъ не сказать? Она бы мною щастливѣе была, нежели имъ. Ибо Алберту ли исполнить всѣ ея желанїя? Ему недостаетъ нѣкоторой чувствительности, не достаетъ — Думай, что хочешь, а сердца ихъ не одной струной натянуты — Ахъ! другъ мой, сколько разъ при чтенїи какого нибудь нѣжнаго писателя, сердце мое и Шарлотино встрѣчались на одномъ мѣстѣ! Сколько разъ, разсуждая о чьемъ нибудь положенїи, мысли наши всегда были сходны! Но онъ ее любитъ отъ всего сердца, а такова любовь чего не заслуживаетъ? —

Несносный гость помѣшалъ мнѣ продолжать. Я отеръ свои слезы. Я очень зямѣшанъ. Прости, любезный другъ!

ПИСЬМО LV. Августа 4.

Не одинъ я нещастливъ. Всѣ люди обманываются въ своей надеждѣ и погрѣшаютъ въ своемъ

ожиданіи. Я посѣтилъ привѣтливую свою молодку, которой дѣти столь мнѣ полюбились. Старшій ея сынъ выбѣжалъ ко мнѣ на встрѣчу и радостнымъ своимъ крикомъ вызвалъ свою мать, которая казалась весьма печальною. Она увидѣвъ меня первое проговорила: Ахъ благодѣтель нашъ! вить Ванюшенька нашъ умеръ: (такъ назывался меньшой ея сынъ). Я промолчалъ — А мужъ мой, продолжала она, возвратился съ ничемъ; онъ занемогъ лихорадкою, и если бы добрые люди его не призрѣли, то принужденъ бы былъ продолжать путь свой подаяніемъ. Я не могъ отвѣчать ей ни слова, но мальчику далъ нѣсколько денегъ; она поднесла мнѣ яблоковъ, которыя я принялъ, и съ прискорбіемъ оставилъ сіе мѣсто.

ПИСЬМО LVI. Августа 21.

Чувствованія мои подобны сверкающей молніи. Иногда возсіяетъ

лучь радости, которой кажется хочетЪ меня оживить. Но увы! онЪ то же мгновенїе исчезаетЪ! Когда я вЪ пустыхЪ своихЪ мечтанїяхЪ забываюсь, всегда приходитЪ мнѣ на мысль сїе желанїе: если бы АлбертЪ умерЪ! Ты бы? — Да она — тогда гоняюсь я за сею мечтою, пока оная приведетЪ меня кЪ такой пропасти, отЪ которой сЪ трепетомЪ отбѣгаю.

Когда выхожу тѣми воротами, и пробѣгаю дорогу, по которой вЪ первый разЪ заѣзжалЪ я за Шарлотою, сердце мое стѣсняется, и сЪ досадою нахожу, какЪ я несходенЪ сЪ тѣмЪ, каковымЪ тогда былЪ! Все перемѣнилось, все изчезло, и прежнїя мои чувства, и самое бїенїе сердца! Состоянїе мое уподобляется состоянїю тѣни Государя, который оставивЪ вЪ наслѣдїе сыну своему огромныя сданїя, сооруженныя имЪ вЪ щастливое его царствованїе, но пришедЪ

опять на землю, увидѣлъ бы оныя разоренными сильнѣйшимъ сосѣдомъ.

ПИСЬМО LVII. Сентября 3.

Иногда не понимаю я, какъ она можетъ и какъ смѣетъ другаго любить, когда я образъ ея ношу въ моемъ сердцѣ, когда имъ однимъ только занимаюсь, ее одну знаю, одну вижу и одну всему предпочитаю на свѣтѣ.

ПИСЬМО LVIII. Сентября 6.

На силу растался я съ синимъ фракомъ, которой былъ на мнѣ, когда я въ первый разъ увидѣлся и танцовалъ съ Шарлотою: его не можно было уже больше носить. Но я точно сдѣлалъ другой такой же съ желтымъ камзоломъ и исподнимъ платьемъ.

Однако онъ со всемъ не такъ дѣйствуетъ надо мною, какъ прежній. Не знаю — Но надѣюсь, что со временемъ онъ также будетъ мнѣ милъ.

ПИСЬМО LIX. Сентября 15.

Не льзя не взбѣсится, другъ мой, помысля какъ Богъ терпитъ на землѣ, тѣхъ презрительныхъ тварей, кои не чувствуютъ и не понимаютъ того, что трогаетъ другихъ. Ты знаешь тѣ два орѣховыя дерева, подъ коими я сидѣлъ съ Шарлотою у Пастора С — Сіи прекрасныя дерева, толь возлюбленныя моему сердцу, сколь великолѣпно украшали дворъ! какая была отъ нихъ прохлада! какая величественная тѣнь! съ какою чувствительностію приводили онѣ на мысль тѣхъ добродѣтельныхъ Пасторовъ, которые ихъ посадили! Школьный учитель часто называлъ по имени того, которой посадилъ изъ нихъ большое; онъ слышалъ объ немъ отъ своего дѣда, и сказываетъ, что онъ былъ человѣкъ достойный, и память его тутъ всегда представлялась мнѣ свято. Другъ мой, вчера учитель сей со слезами насъ увѣдомилъ, что

оныя деревья срублены — срублены! Я бы убилъ того бѣшенаго въ ярости, которой первой ихъ нарубилъ. Я, которой бы не снесъ и того, еслибы одно изъ таковыхъ деревъ засохло у меня во дворѣ само собою, чтобъ сталъ сносить такое поруганіе! Однакожъ, другъ мой, есть еще отрада. О чувствительность человѣческая! Вся деревня такъ на сіе ропчетъ, что надѣюсь Пасторъ не получитъ отъ своихъ прихожанъ ни малѣйшаго припасу, и раскается о своемъ дерзновенномъ поступкѣ. Ибо ето сдѣлала жена новопоставленнаго Пастора (а старикъ нашъ любезный умеръ) тварь высокая и чахлая, и ни чемъ на свѣтѣ неуважающая, по тому что никто ею не уважаетъ, созданіе глупѣйшее, представляющее себя ученымъ, толкующее священныя книги, вымышляющее новыя нравственныя и критическія для Христіанства правила, ругающееся Лаватерову во-

сторгу, имѣющее слабое здоровье и по тому ничемъ въ жизни не утѣшающееся; таковому чудовищу одному свойственно только было свалить любезные мои деревья. Нѣтъ, я етого не могу забыть! Какія же имѣла она къ тому причины! Опадающія листья, дѣлали дворъ ея нечистымъ, деревья заслоняли ей свѣтъ, ребятишки швыряли камушками въ орѣхи, и сей звукъ ударялъ ее въ голову, и мѣшалъ ей въ глубокихъ ея размышленіяхъ, когда измѣряла она на вѣскахъ ученость Кенникота, Семлера и Милаелиса. Я увидѣвъ, что крестьяне, особливо старики, такъ на сіе негодуютъ, спросилъ ихъ, для чего же они до сего ее допустили? — Ахъ! сударь, отвѣчали они, что намъ крестьянамъ дѣлать, когда управитель приказываетъ? Но всего лучше то, что управитель и Пасторъ желая воспользоваться на конецъ своенравіемъ сего изверга, вздумали дѣ-

лить между собою деревья; однако казенная палата свѣдавъ о семъ присвоила ихъ себѣ и продала съ публичнаго торгу. Онѣ и теперь еще лежатъ на прежнемъ мѣстѣ. О еслибъ я былъ Государемъ! какъ бы я проучилъ Пастора, управителя и казенную палату! — Государемъ! — А еслибъ дѣйствительно онымъ былъ, можетъ быть ни мало бы не думалъ о цѣлыхъ лѣсахъ въ своемъ государствѣ.

ПИСЬМО LX. *Октября* 10.

Все мое блаженство состоитъ въ томъ, чтобы видѣть только черные ея глаза! Но я досадую на то, что Албертъ кажется не такъ щастливымъ, какимъ быть онъ надѣялся — каковымъ бы я — еслибъ — хотя и не люблю сего слова *еслибъ*, однако въ семъ случаѣ не могу иначе изъясниться — и мнѣ кажется, что я довольно вразумителенъ.

ПИСЬМО LXI. *Октября* 12.

Оссїанъ занимаетъ въ моемъ сердцѣ мѣсто Омира. Что за свѣтъ, въ коемъ сей славный мужъ меня водитъ! Я скитаюсь по степямъ, обуреваемъ вихремъ и окруженъ туманомъ, изъявляющимъ тѣни нашихъ предковъ при слабомъ сїянїи луны; слышу съ выссоты горъ среди ревущихъ ключей жалостный стонъ духовъ исходящїй изъ мрачныхъ пещеръ, и горестный вопль юной дѣвицы терзающейся смертельно у камня обросшаго уже мхомъ на могилѣ возлюбленнаго ея воина! Встрѣчаюсь иногда съ симъ почтеннымъ сѣдиною старикомъ, которой странствуетъ по полямъ и ищетъ слѣдовъ своихъ предшественниковъ, но увы! онъ находитъ только ихъ гробы! Тогда возрыдавъ горько, взираетъ онъ на ночное свѣтило, погружающееся въ волнахъ свирѣпствующаго моря, и времена прошедшїя живо начертаваются въ душѣ сего

героя, времена въ которыя презиралъ онъ мужественно опасности и луна освѣщала увѣнчанный и побѣдоносный его корабль на задъ идущїй. Когда такимъ образомъ вижу на челѣ его глубочайшую печаль и изнеможенную его славу шатающуюся уже у краю гроба; когда онъ непрестанно мучится томленїемъ духа, видя предстоящїя предъ собою слабыя тѣни своихъ прародителей, и устремивъ взоръ свой на холодную землю, долженствующую покрыть его тѣло, горестно вопїетъ: Боже мой! придетъ путникъ, придетъ тотъ, которой зналъ меня во всей моей красотѣ, и станетъ спрашивать: гдѣ сей Барсъ, гдѣ славный Барсъ сынъ Фингала? онъ попретъ мой прахъ и тщетно искать меня будетъ на землѣ — ахъ! другъ мой, когда сїе воображу, тотъ же бы часъ какъ вѣрный рабъ выхватилъ кинжалъ и избавилъ бы своего Государя отъ жесточайшаго терза-

нія продолжительно угасающей его жизни, а по томъ пронзилъ бы онымъ и свою грудь и послѣдовалъ бы за симъ полубогомъ, котораго рука моя восхитила.

ПИСЬМО LXII. Октября 19.

Ахъ! какая ето пустота! какая страшная пустота, которую я самъ въ себѣ чувствую! Часто воображаю я — еслибъ хотя одинъ разъ, одинъ только разъ прижалъ ее къ своему сердцу, то бы со всемъ исцѣлился!

ПИСЬМО LXIII. Октября 26.

Я увѣренъ, любезный другъ, часъ отъ часу больше увѣренъ, что бытіе всякой твари ничего не значитъ, со всемъ ничего не значитъ. Къ Шарлотѣ пришла пріятельница; я вышелъ въ другую комнату за книгою; но не могши оной читать, принялся за перо.

Я слышалЪ ихЪ разговаривающихЪ тихонько между собою о городскихЪ новизнахЪ, какЪ то: одна идетЪ за мужЪ, другая больна, и очень больна, у нее сухой кашель и частые обмороки, она не выздоровѣетЪ сказала гостья; г. И. также весьма не здоровЪ, примолвила Шарлота; у него уже опухоль показалась, продолжала другая. Я слыша сїе тотЪ часЪ кидался мысленно кЪ постели сихЪ нещастныхЪ, и видѣлЪ сЪ какимЪ супротивленїемЪ борются они противу наступающей смерти—ДругЪ мой, и сїи двѣ добрыя приятельницы разговаривали о семЪ какЪ обыкновенно говорятЪ о смерти посторонняго человѣка — но когда окину глазами комнату, вЪ коей теперь нахожусь, и увижу на столикѣ ея платья, ея серги, Албертовы бумаги, и сїи уборы, которые мнѣ всѣ такЪ знакомы даже и сїя чернильница, изЪ коей кЪ тебѣ пишу, то самЪ себѣ говорю: Смотри, какЪ тебя вЪ етомЪ домѣ

любятъ! друзья твои тебя почитаютъ! ты часто составляешь все ихъ удовольствіе, и сердце твое кажется не можетъ быть безъ нихъ, однако — если ты теперь отъ нихъ отлучишься? Если покинешь сіе семейство, почувствуютъ ли они пустоту, которую оставитъ имъ твоя разлука въ ихъ судьбѣ? и какъ долго? — Такова то есть тлѣнность человѣческая, что тамъ, гдѣ онъ наибольше чувствуетъ свое бытіе, гдѣ присутствіе его сильнѣйшее производитъ впечатлѣніе въ душѣ возлюбленныхъ его, тамъ онъ уничтожается — и столь скоропостижно!

ПИСЬМО LXIV. Октября 27.

Часто покушаюсь я пронзить себѣ грудь, или прострѣлить лобъ, когда помышляю, сколь мало мы другъ для друга дѣлать можемъ. Никто не въ состояніи внушить мнѣ любви радости и жару, котораго во мнѣ нѣтъ, равномѣрно и

я со всею моею нѣжностїю не могу сдѣлать щастливымъ того, который смотритъ на меня съ холодностїю.

ПИСЬМО LXV. Октября 30.

Сто разъ покушался я кинуться къ ней на шею. Ибо Богъ знаетъ, какое мученїе можетъ сравниться съ тѣмъ, которымъ терзается человѣкъ, когда видя толикїя предъ собою прелести, не смѣетъ къ онымъ коснуться! прикосновенїе же кажется есть врожденное въ насъ чувство. Ибо дѣти не ко всему ли прикасаются, что только они видятъ! А я! —

ПИСЬМО LXVI. Ноября 3.

Боже мой! колико кратъ метался я въ постелю съ желанїемъ, а иногда и съ надеждою на вѣки съ оной не встать! Но по утру пробужаюсь, вижу опять свѣтъ, а съ нимъ и свое нещастїе. Ахъ! для чего я не ипо-

хондрикъ, для чего не могу приписать мученія своего или непогодѣ, или неудачливому предпріятію, или гоненію злодѣя! Тогда бы тяжкое бремя неудовольствія не на одного на меня низпадало. Но о горе! я чувствую, что я самъ всему тому злу виновникъ — сердце мое, бывшее прежде источникомъ утѣхъ, заключаетъ теперь корень всѣхъ напастей. Не тотъ ли я самой, которой утопалъ въ однѣхъ только пріятнѣйшихъ чувствованіяхъ, которой при каждомъ шагѣ видѣлъ во кругъ себя рай, и плѣнялся красотою всея подсолнечной? И сіе сердце теперь уже истлѣло, и не истекаетъ изъ него никакихъ больше восторговъ, глаза мои изсякли, и чувства мои не прохлаждаясь болѣе радостными слезами изсушаютъ мой разумъ! Страданіе мое безподобно, по тому что лишился я послѣдней въ жизни отрады, тѣхъ силъ, которыя около меня всегда раждали но-

вые предмѣты. Они исчезли! — Когда смотрю изъ окна на отдаленные прогорки, и вижу, что утренная заря пригоняетъ туманъ и освѣщаетъ луга; тихая рѣка извивается около безлиственныхъ ивъ, и сїя величественная природа представляется глазамъ моимъ въ великолѣпнѣйшемъ видѣ, сердце мое ничемъ онымъ не возбуждается, взоръ мой омрачается, чувства мои нѣмѣютъ! Колико кратъ повергался я предъ Творцемъ и просилъ: Господи даждь мнѣ слезы, подобно какъ бѣдный земледѣлецъ молитъ небо о ниспосланїи прохладныя росы засохшимъ своимъ нивамъ!

Но ахъ! я вижу ясно, что Богъ не ниспосылаетъ ни дождя, ни солнца тѣмъ, коихъ молитвы ему неугодны. Для чего же сїи времена, коихъ каждое мгновенїе теперь меня мучитъ, были тогда столь святы? Для того, что съ терпѣнїемъ ожидалъ благости Всевышняго, и

съ благодарнымъ сердцемъ принималъ оную.

ПИСЬМО LXVII. Ноября 8.

Съ какимъ вниманіемъ, съ какою ласкою оговариваетъ она меня въ моей неумѣренности! Въ неумѣренности, по тому что я для разогнанія своей тоски, началъ пить болѣе обыкновеннаго. Оставь ето, говоритъ она; думай лутче всегда о Шарлотѣ — Думать о Шарлотѣ! отвѣчаю я, сей совѣтъ мнѣ не нуженъ. Я думаю — Нѣтъ, я не думаю! Ты всегда въ моемъ сердцѣ. Сего дня сидѣлъ я на томъ мѣстѣ, гдѣ ты недавно вышла изъ кареты — Она тотъ часъ перемѣнила рѣчь, дабы не дать мнѣ далѣе о семъ распространиться. Любезный другъ, я ничего не значу; она дѣлаетъ изъ меня что хочетъ.

ПИСЬМО LXVIII. Ноября 15.

Благодарю тебя, другъ мой, за искренное твое обо мнѣ попеченіе

и благоразумные твои совѣты, но прошу чтобъ ты былъ спокоенъ. Оставь мое страданіе, я при всѣхъ моихъ нещастіяхъ довольно еще имѣю силъ къ перенесенію оныхъ. Ты знаешь почтеніе мое къ закону; онъ меня подкрѣпляетъ немощнаго и утѣшаетъ огорченнаго. Но надъ всѣми ли онъ равномѣрно дѣйствуетъ? Пройди пространный свѣтъ, увидишь миліоны людей, для коихъ онъ былъ ничто, и милліоны такимъ, для коихъ, чтобы ни проповѣдовали, и будетъ ничто; а для меня онъ важенъ? Не самъ ли сынъ Божій изрекъ, что онъ будетъ окруженъ только данными ему Отцомъ? Если я для него не назначенъ! если оный Отецъ составляетъ меня для себя, какъ то сердце мое говоритъ!— Пожалуй, не толкуй сего инако, и не сочти за шутку, когда я тебѣ душу свою открываю; а когда не такъ, я бы охотнѣе по обыкновенію своему обо всемъ томъ молчалъ, что и всякому столь же мало извѣстно,

какъ и мнѣ. Судьба человѣческая состоитъ въ томъ, чтобы исполнить мѣру своихъ страданій, и выпить чашу — а когда чаша сія горька, на чтожъ такъ безумствовать, чтобы увѣрять противное тому? На что стыдиться мнѣ трепетать въ то страшное мгновеніе, когда все мое существо колеблется между бытіемъ и ничтожествомъ, когда тлѣнность какъ молнія сіяетъ надъ мрачною бездною будущаго чаянія, когда все около меня разрушается, и вся вселенная вмѣстѣ со мною исчезаетъ. — Се гласъ удрученной твари, чувствующей, неизбѣжную свою гибель. Боже мой, Боже! вскую мя оставилъ еси? И я стыдиться долженъ сихъ выраженій, когда тотъ, который простираетъ небо яко кожу, и тотъ сіе вѣщалъ!

ПИСЬМО LXIX. *Ноября* 21.

Она не видитъ и не чувствуетъ того, что готовитъ мнѣ ядъ, па-

губный для насЪ обоихЪ, и что я сЪ жадностію оной глотаю. Что значутЪ ласковые ея взгляды, которые она часто — нѣтЪ не часто, но иногда на меня бросаетЪ? ея снисхожденіе, сЪ которымЪ принимаетЪ выраженія моихЪ чувствЪ ея участіе вЪ моемЪ страданіи?

Вчера какЪ пошелЪ я отЪ нее, она подавЪ мнѣ руку сказала: прости, любезный ВертерЪ — любезный ВертерЪ! Сіе я вЪ первый разЪ отЪ нее слышу, и слова сіи проникли во внутренность моего сердца; я ихЪ сто разЪ уже повторялЪ, и ложася спать проворчалЪ самЪ себѣ: добра ночь, любезный ВертерЪ! послѣ сего самЪ разсмѣялся.

ПИСЬМО LXX. Ноября 24.

Она чувствуетЪ мое мученіе. Вчера засталЪ я ее одну. Я не говорилЪ ни слова, а она смотрѣла на меня. ОбразЪ ея не изЪявлялЪ уже прелестей, ни блеску владычественной вЪ ней живности,

все сіе исчезло предЪ моими глазами. Но я видѣлЪ вЪ ней напечатлѣніе, которое меня гораздо больше поражало, напечатлѣніе сладчайшаго сострадания. АхЪ! по что не дерзнулЪ я повергнуться кЪ ея стопамЪ? По что не бросился обьять ее и не отвѣчалЪ ей нѣжнѣйшимЪ лобзаніемЪ? — Она прибѣжала кЪ своимЪ клавирамЪ и играя на оныхЪ, припѣвала тихимЪ и приятнымЪ голосомЪ. Уста ея не были для меня никогда столь прелестны, и казалось, что оныя отворялись для принятія инструментнаго звуку, испуская только нѣжный и восхитительный онаго отголосокЪ — АхЪ! еслибЪ могЪ я изьяснить тебѣ сіи приятства! онѣ тотЪ часЪ одержали надо мною верхЪ, и я наклонясь кЪ ней произнесЪ сію клятву: возлюбленныя уста, на коихЪ обитаютЪ прелести небесныя, никогда не дерзну и облобызать васЪ! — Однако — желалЪ бы я — ахЪ! другЪ мой,

сїе значитъ положить преграду моему сердцу — насладиться симъ блаженствомъ — По томъ умереть и очистить тѣмъ беззаконія — беззаконія? —

ПИСЬМО LXXI. *Ноября* 30.

Все уже совершилось, не могу притти въ себя, какое печальное зрѣлище? Сего дня — о судьба! о предопредѣленїе человѣческое!

Я ходилъ гулять во время обѣда по берегу рѣки, по тому что не имѣлъ никакого апетиту. Все было мрачно и пусто, сырой полуденный вѣтръ дулъ съ горы, темныя облака покрывали долину. Я увидѣлъ изъ дали человѣка въ худомъ и изодранномъ зеленомъ кафтанѣ, которой ползалъ между камнями и казался, что собиралъ травы. Лишь только я подошелъ къ нему, онъ тотъ часъ оглянулся и представилъ мнѣ весьма примѣчательный видъ, ознаменованный спо-

койною горестїю. Поелику по одѣянїю его судить было можно, что онъ человѣкъ состоянїя низкаго, и для того думалъ я, что онъ не прогнѣвается, если любопытствовать стану о его упражненїи, по чему спросилъ его: Чего ты ищешь, другъ мой? — Цвѣтовъ, отвѣчалъ онъ съ глубокимъ вздохомъ, — но не могу найти — Теперь уже не то время, сказалъ я съ усмѣшкою — Теперь то и время, отвѣчалъ онъ: у меня есть въ саду розы и божье дерево двухъ родовъ, одно имѣю я отъ своего отца, прочїе же вездѣ растутъ, но я другой день ищу, и не могу найти. Здѣсь всегда много цвѣтковъ всякаго роду, желтыхъ, голубыхъ, красныхъ, однако мнѣ ни одинъ еще не попадался — Я примѣтилъ въ немъ нѣчто особливое, и для того спросилъ его околичностїю: А на что тебѣ надобны цвѣтки? Онъ приложа палецъ ко рту, и улыбаясь съ тайнымъ ви-

домЪ отвѣчалЪ; не сказывай никому, я признаюсь тебѣ, что обѣщалЪ любовницѣ своей пучекЪ — изрядно, другЪ мой, сказалЪ я — О! она очень богата, продолжалЪ онЪ, и кромѣ цвѣтковЪ всего довольно имѣетЪ. Однако она любитЪ ли твои цвѣтки, прервалЪ я? — У нее есть и бриліанты, и корона продолжалЪ онЪ — Но кто она такова? — ЕслибЪ Генеральные штаты, говорилЪ онЪ, заплатили мнѣ, чемЪ они должны, я бы со всемЪ былЪ инаковЪ! — АхЪ! было благополучное для меня время! Теперь все исчезло и я — По сихЪ словахЪ взглянулЪ онЪ на небо и облился слезами. ТакЪ ты былЪ щастливЪ, спросилЪ я? Увы! сказалЪ онЪ, по что я и нынѣ не таковЪ? Тогда я былЪ такЪ веселЪ, такЪ доволенЪ какЪ рыба вЪ водѣ! ГенрихЪ! закричала идущая кЪ намЪ старуха, ГенрихЪ, гдѣ ты? Мы тебя вездѣ ищемЪ. Ступай обѣдать. Не сынЪ ли ето твой, спро-

силъ я ее? Такъ сударь, отвѣчала она мнѣ. Богъ послалъ мнѣ его въ наказанїе. Давно ли онъ таковъ? Какъ онъ такъ смиренъ, прервала она, еще полгода. Слава Богу, что онъ уже хотя усмирѣлъ; а прежде сего цѣлой годъ бѣсился и сидѣлъ скованной въ укротительномъ домѣ. Теперь уже никому онъ больше не вредитъ, но только все бредитъ о Короляхъ и Императорахъ. Онъ былъ весьма добраго поведенїя, и писалъ мастерски и тѣмъ доставлялъ мнѣ пропитанїе; но вдругъ началъ задумываться, слегъ боленъ горячкою, по томъ сдѣлался бѣшенымъ, а на конецъ дошелъ до такаго состоянїя, въ каковомъ вы его видите. Еслибъ я вамъ расказала, государь мой, — Я перебивъ ея рѣчь, спросилъ: что за время, въ которое онъ толь благополучнымъ себя почиталъ? Ахъ, бѣдный дурачокъ! вскричала она съ сожалѣнїемъ, есто то самое время, въ

которое онъ ума лишился, и о которомъ и до днесь терзается, то время, когда онъ былъ запертъ и прикованъ! — Слова сїи какъ громъ меня поразили, я далъ ей нѣсколько денегъ и поспѣшно отъ нихъ удалился.

Ты былъ щастливъ! вопїялъ я, бѣгучи въ городъ; ты былъ доволенъ, какъ рыба въ водѣ! — Боже милосердый! Ты ли предопредѣлилъ таковую судьбу смертнымъ, что они тогда только щастливы, когда еще во младенчествѣ ничего не разумѣютъ, или когда уже со всемъ лишаются разсудка! Бѣдный, я завидую твоей участи, и безпорядку твоего ума! Ты преисполненъ радостїю бѣжишь въ поле за цвѣточками, для обладательницы своей — зимою — и огорчаешся тѣмъ, что оныхъ ненаходишь, не понимая для чего не можно ихъ найти? —

А я — я скитаюсь безъ надежды, и безъ намѣренія и возвращаюсь съ тѣмъ же — Ты воображаешь о своемъ величествѣ, ежелибъ Генеральные штаты заплатили искъ твой, и блаженъ, что бѣдствіе свое приписываетъ посторонней власти — Ты не чувствуешь! не чувствуешь того, что оное заключается въ смущенномъ твоемъ сердцѣ и повредившемся умѣ твоемъ, въ чемъ ни всѣ земные Цари пособить тебѣ не могутъ.

Да погибнетъ безъ отрады тотъ, которой ругается больному, странствующему къ отдаленнѣйшему источнику, гдѣ чая найти облегченіе, находитъ вмѣсто того умноженіе своихъ недугъ и мучительную кончину; да погибнетъ смѣющійся надъ человѣкомъ, который для утоленія угрызеній своея совѣсти, и для прекращенія душевнаго томленія шествуетъ по обѣщанію къ святымъ мѣстамъ!

Его не устрашаетъ непроходный и терніемъ покрытый путь, и жадный шагъ, хотя и обдираетъ ему ноги, оживляетъ смущенную его душу, и облегчаетъ изнуренное его сердце — Смѣете ли вы назвать сіе сумозбродствомъ, вы мудрствующіе умы? — Сумосбродствомъ! — О Боже! Ты зришь мои слезы — Ты создалъ человѣка довольно уже бѣднымъ, почтоже окружилъ его еще ближними, которые лишаютъ послѣдняго его утѣшенія и довѣренности къ тебѣ? Ибо довѣренность къ гроздію, которое его увеселяетъ, и къ корню, который подаетъ ему облегченіе, есть довѣренность къ тебѣ, что твоя всещедрая рука ниспосылаетъ ему повсюду исцѣленіе и отраду, который онъ толико жаждетъ — Ахъ! отче мой, котораго я не знаю! Отче мой, ты которой прежде наполнялъ мое сердце, а нынѣ отвращаешь взоръ свой отъ меня! вѣщай, да пріиду къ тебѣ! прерви

свое молчанїе! тщетно мнишь о-
нымЪ удержать ревнїе души, стре-
мящейся преселиться кЪ тебѣ! —
И можетЪ ли человѣкЪ, кольми па-
че отецЪ, разгнѣваться на своего
сына, которой незапно представЪ
предЪ него и повергшись вЪ его обЪ-
ятїя, вопїетЪ: Я пришелЪ кЪ тебѣ
возлюбленный мой родитель; прости
меня, что сократилЪ я свое стран-
ствованїе и возвратился прежде наз-
наченнаго тобою срока. СвѣтЪ вез-
дѣ одинаковЪ, старанїя и труды,
награды и удовольствїя меня не
привлекаютЪ, блаженство мое есть
сЪ тобою и при тебѣ хочу стра-
дать или утѣшаться — А Ты, не-
бесный ОтецЪ, отринешь ли тако-
ваго сына отЪ лица твоего? —

ПИСЬМО LXXII. Декабря 1.

ДругЪ мой, человѣкЪ, о кото-
ромЪ я кЪ тебѣ писалЪ, сей неща-
стный щастливецЪ былЪ писаремЪ
у Шарлотина отца. ОнЪ восчув-

ствовалъ къ ней сильнѣйшую страсть и питая оную скрывалъ, пока на конецъ самъ изъяснился, и за то отъ нихъ отпущенъ, отъ чего и сдѣлался таковымъ, каковымъ я его вчера видѣлъ. Представь себѣ, какое произвело надо мною дѣйствїе приключенїе, о которомъ расказывалъ мнѣ Албертъ съ такимъ равнодушїемъ, съ какимъ можетъ быть ты теперь о семъ читаешь.

ПИСЬМО LXXIII. Декабря 4.

Прошу тебя — ты видишь мою гибель—не долго я все сїе сносить буду. Сего дня сидѣлъ я возлѣ ее— сидѣлъ, она играла на клавирахъ съ такимъ выраженїемъ, котораго тебѣ изъяснить не могу. Меньшая сестрица убирала свою куклу у меня на колѣняхъ. Слезы навернулись на моихъ глазахъ. Я наклонился, и увидѣлъ нечаянно обручальное на ней кольцо — Слезы полились ручьями — Вдругъ заиграла она ту

божественную арїю, которая толико крашъ меня восхищала, вдругъ почувствовалъ я въ душѣ моей отраду, но нечаянно вспомнилъ опять о временахъ, въ которыя слышалъ сїю пѣснь и былъ съ нею одинъ; вспомнилъ свою горесть и суетную надежду — тогда я вскочилъ и бѣгалъ по комнатѣ; духъ во мнѣ спирался. Ради Бога, перестань играть, вскричалъ я твердымъ голосомъ, подошедъ къ ней, ради Бога перестань. Она остановилась, и посмотрѣвъ на меня пристально, сказала съ улыбкою, которая поразила мое сердце: Вертеръ, ты весьма не здоровъ, любимая твоя пища тебѣ уже стала противна. Поди, пожалуй поди! успокой себя сколько нибудь—-я кинулся отъ нее прочь— Великїй Боже! ты зришь мое страданїе, ты и прекратишь оное!

ПИСЬМО LXXIV. Декабря 6.

Какъ образъ ея повсюду гонится за мною! сплю ли я или бодр-

ствую, оный всегда мечтается въ душѣ моей. Здѣсь, когда закрою глаза, здѣсь, гдѣ соединяются чувственныя жилы, начертаны черныя ея очи. Здѣсь! — Ахъ! не могу изъясниться. Когда сомкну свои глаза, то ея глаза тотъ часъ представляются мнѣ какъ море, какъ бездна, поглощающая всѣ мои чувства.

Что есть человѣкъ? сїе толико тщеславящееся полубожїе! не лишается ли онъ своихъ силъ, въ то самое мгновенїе, когда оныя ему наибольше потребны? И хотябъ онъ плавалъ въ радости, или утопалъ въ горестяхъ, то не долженъ ли онъ въ обоихъ случаяхъ остановиться и обратиться въ первобытное свое ничтожество, между тѣмъ какъ тщится достигнуть безсмертїя? —

ПИСЬМО LXXV. Декабря 8.

Любезный другъ, я теперь въ такомъ положенїи, въ какомъ бы-

вають тѣ нещастные, коихъ почитають одержимыми злымъ духомъ. Иногда объемлетъ меня странное чувство, котораго не льзя назвать ни желанїемъ, ни тоскою, но нѣкоторымъ внутреннимъ и сокрытымъ неистовствомъ, которое грозитъ растерзать мою грудь и захватить горло. О горе! горе мнѣ нещастному! тогда, вскочивъ я бѣгу скорѣе въ поле, которое зима, сїя неприятельница смертныхъ, сдѣлала театромъ мрачныхъ и ужасныхъ представленїй.

Вчера ночью принужденъ я былъ выйти за городъ. Я слышалъ еще въ вечеру, что рѣка со всѣми окружными протоками разлилася, и отъ Валгейма потопила всю возлюбленную мою долину. Я побѣжалъ туда въ двенадцатомъ часу. Какое страшное и печальное позорище! луна померкла; сквозь малѣйшее ея сїянїе видѣлъ я разъяренныя волны, которыя поглощали поля, луга и кустарни-

ки, и вся долина представляла свирѣпое море, обуреваемое ревущимъ вихремъ. Луна опять появясь, остановилась на мрачномъ облакѣ; блескъ ея еще больше усугубилъ смятенїе природы! коль печальный, коль ужасный видъ меня поразилъ! Я вострепеталъ, почувствовалъ желанїе, приближился къ пропасти, простеръ руки, наклонился со вздохомъ, въ той сладчайшей мысли, чтобы погрузить въ ней всѣ мои бѣдствїя и страданїя и кипѣть вмѣстѣ съ волнами. Но увы! я не могъ отторгнуть ногъ своихъ отъ земли! не могъ прекратить тѣмъ своего мученїя! видно часъ мой еще не насталъ — я это чувствую! о другъ мой! съ какимъ удовольствїемъ перемѣнилъ бы я свое существо, и превратясь въ вихрь разбилъ бы тучи и возмутилъ волны? Можетъ быть со временемъ и вырвусь изъ моей темницы и наслаждусь онымъ блаженствомъ! —

Я обратилъ прискорбный взоръ на ту площадку, гдѣ мы съ Шарлотою подъ ивою отдыхали послѣ долговременной прогулки; оная была также потоплена, и я съ нуждою могъ узнать мою иву! Увы! подумалъ я, что и лужокъ и пустоши около охотничьяго двора и бесѣдки и все безъ сомнѣнія разорено водопольемъ. Лучь тлѣнности тотъ часъ озарилъ мою душу, подобно какъ мечтаніе во снѣ представляетъ узнику все потерянное его стяжаніе. Я остановился! — однако не укоряю себя въ томъ, по тому что я не страшусь умереть — я бы — а теперь сижу здѣсь какъ старуха, которая подбираетъ около забору щепки, и проситъ у каждыхъ воротъ милостыни для продолженія хотя на нѣсколько минутъ, дряхлаго и бѣдственнаго своего бытія.

ПИСЬМО LXXVI. Декабря 17.

Что ето значитъ, любезный другъ? Я самъ себя страшусь! Развѣ

любовь моя къ ней не самая священнѣйшая, чистѣйшая, или лучше сказать братская? — —
Сердце мое имѣло ли когда нибудь непозволительное жаланїе? — Я не хочу въ томъ клясться — а теперь—какїя мечтанїя! Ахъ! какъ справедливы тѣ, кои таковыя противныя чувства приписываютъ посторроннимъ причинамъ! Сїю ночь—боюсь сказать тебѣ — я держалъ ее въ своихъ объятїяхъ, прижималъ къ своей груди и покрывалъ дрожащїя ея уста неисчетными поцѣлуями. Взоръ мой упоевался услажденїемъ ея очей. Боже милосердый! виноватъ ли я въ томъ, что и теперь еще ощущаю сїе блаженство, сїи восторги, коими въ сновидѣнїи наслаждался? О Шарлота! Шарлота! — я погибаю! Чувства мои заблуждаются. Восемь дней я уже въ иступленїи, глаза мои наполнены слезами. Мнѣ вездѣ хорошо, и вездѣ худо. Ничего не желаю, ничего не требую. Ахъ

всего для меня лутче, чтобы какЪ возможно скорѣе уѣхать.

ИЗДАТЕЛЬ
къ
ЧИТАТЕЛЮ.

Дабы сообщить обстоятельное свѣденїе о послѣднихЪ дняхЪ нещаетнаго нашего друга, я принужденЪ перервать его переписку повѣствованїемЪ того, что слышалЪ я отЪ самой Шарлоты, также отЪ Алберта и собственнаго его слуги и другихЪ очевидныхЪ свидѣтелей.

Вертерова страсть нечувствительно стала умалять согласїе между Шарлотою и АлбертомЪ; сей любилЪ ее искренно и чистосердечно какЪ честный и добродѣтельный мужЪ, но дружеское его сЪ нею обхожденїе мало по малу покарялось упражненїю его вЪ дѣ-

лахъ. Правда, онъ не примѣчалъ въ себѣ никакой перемѣны, перемѣнивъ имя любовника на супруга; однако внутренно чувствовалъ нѣкоторое неудовольствiе отъ явныхъ знаковъ Вертеровой къ Шарлотѣ любви, которая казалась ему нѣкоторымъ нарушенiемъ его правъ и тайною укоризною. Чрезъ сiе умножилась его досада, которую причиняли ему иногда многотрудныя, безпокойныя и худо награжденныя его упражненiя, а когда еще къ тому и Вертерово состоянiе сдѣлало ему всякое сообщенiе съ нимъ противнымъ, и жестокая тоска снѣдала силы его разума, его живость и проницанiе; то сiе равнымъ образомъ возъимѣло дѣйствiе и надъ Шарлотою, которая отъ того впала въ нѣкоторый родъ задумчивости, кою Албертъ почиталъ началомъ страсти ея къ ея любовнику, а Вертеръ ея огорченiемъ отъ перемѣны къ ней ея супруга. Взаимная недовѣрчивость обоихъ

сихъ друзей учинила на конецъ присутствїе ихъ другъ другу несноснымъ. Албертъ началъ удаляться и убѣгать своей супруги, когда посѣщалъ ее Вертеръ, а сей примѣтя оное, и покушаясь тщетно отъ нее отстать, вздумалъ на послѣдокъ имѣть съ нею свиданїе въ тѣ часы, когда мужъ ея занимался дѣлами. Отъ сего произошло еще новое неудовольствїе, и досада съ обѣихъ сторонъ умножалась до того, что Албертъ выговорилъ уже супругѣ своей нарочито сухо, чтобы она по крайней мѣрѣ хотя для людей, перемѣнила свое обхожденїе съ Вертеромъ, и не такъ бы часто принимала его посѣщенїе.

Въ сїе почти самое время намѣренїе оставить свѣтъ, утвердилось въ мысляхъ сего нещастнаго любовника. Онъ давно уже имѣлъ сїе желанїе и питалъ оное въ своемъ сердцѣ, а особливо по возвращенїи своемъ къ Шарлотѣ.

Однако онъ не хотѣлъ приступить къ сему дѣлу безразсуднымъ и неистовымъ образомъ, но съ твердымъ расположенїемъ и спокойнѣйшимъ духомъ.

Сомнѣнїе его и борьба съ самимъ собою, явствуетъ изъ нижеслѣдующей записки, найденной между его бумагами, на которой уповательно началъ онъ было писать письмо къ своему другу.

*

Присутствїе ея, судьба и сострадание обо мнѣ, извлекаютъ еще послѣднiя слезы изъ моего изсохшаго мозгу.

Поднять завѣсу, и перейти на другое мѣсто, и все тутъ! На что же медлить и крушиться? — Развѣ для того, что не знаешь каково тамъ? — и что на задъ не возвратишься? — Разумъ же человѣче-

скій въ неизвѣстности ничего не видитъ окромѣ мрака и безпорядка.

*

Огорченіе, причиненное ему въ то время когда онъ былъ еще Секретаремъ Посольства, никогда не выходило изъ его памяти. И когда онъ о семъ говорилъ, что однако рѣдко случалось, то легко примѣтить было можно, что онъ почиталъ чрезъ сіе честь свою безъ поправленія обиженною, и что сіе произвело въ немъ отвращеніе ко всѣмъ политическимъ дѣламъ. И такъ онъ не бывъ ничемъ упражненъ, предался тѣмъ чувствамъ и воображеніямъ, которыя видны изъ его писемъ и той необузданной страсти, которая изнурила на конецъ всѣ его силы. Печальное обхожденіе съ любезнѣйшею особою, коея нарушилъ онъ спокойствіе, безпрестанная борьба и сраженіе съ самимъ собою, и при томъ безъ всякой цѣли и безъ намѣренія, подвигли его на послѣдокъ къ ужаснѣйшему предпріятію.

ПИСЬМО LXXVII. Декабря 20.

Благодарю тебя, другъ мой, за твою любовь, что ты къ стати включилъ сїи слова, что для меня всего лучше ѣхать. Но предложенїе твое, чтобы къ вамъ возвратиться, мнѣ весьма не нравится; ибо я лучше бы хотѣлъ еще нѣсколько пробыть въ дорогѣ, особливо теперь въ продолженїи морозовъ, обѣщающихъ хорошїй путь. Я чрезмѣрно доволенъ, что ты берешь на себя трудъ самъ за мною приѣхать, только прошу тебя помедлить еще недѣли двѣ, и подождать отъ меня другаго письма. Не надобно срывать плодовъ, пока они еще не дозрѣли, а четырнадцать дней больше или меньше дѣлаютъ разницу немалую. Скажи матушкѣ, чтобъ она молилась о своемъ сынѣ, и что я прошу у нея прощенїя во всѣхъ причиненныхъ ей мною огорченїяхъ. Такъ судьбѣ угодно было огорчать мнѣ тѣхъ, коимъ бы долженъ я доста-

влять утѣшенïе. Прости! любезный другъ. Да наградитъ тебя Богъ всемъ желаемымъ тобою! Прости!

Въ самой тотъ день, что было въ воскресенïе передъ Рождествомъ Христовымъ, Вертеръ пошелъ въ вечеру къ Шарлотѣ и засталъ ее одну. Она приготовляла нѣкоторые подарки своимъ братьямъ и сестрамъ къ празднику. Онъ началъ говорить о удовольствïи, которое имѣть будутъ дѣти, и о лѣтахъ, кои раждаютъ въ нихъ радостные восторги, когда нечаянно растворятся двери, и вдругъ покажется деревцо, иллюминованное восковыми свѣчами и убранное яблоками и конфектами. Ты также получишь подарокъ, сказала ему Шарлота, скрывая свое смущенïе подъ приятною улыбкою, если только будешь уменъ — Что это зна-

чишъ, если будешь умѣнъ! вскричалъ Вершеръ. Какъ должно, какъ можно быть шакимъ, любезная Шарлоша? Сочельникъ, говорила она, будешъ въ чешвергъ, башюшка мой придешъ ко мнѣ со своими дѣшьми; шогда каждый получишъ свое, въ шомъ числѣ и шы — но до шого времени не посѣщай меня — Вершеръ осшолбенѣлъ — Прошу шебя, продолжала она, сдѣлай ешо, пожалуй посшарайся для моего покою; самъ шы знаешь, что не льзя ешому всегда шакъ бышь! — Онъ ошъ нее ошворошился, началъ ходишь по комнашѣ и ворчалъ сквозь зубы: не льзя ешому всегда шакъ бышь! Шарлоша примѣшя жесшокое сосшоянiе, въ кошорое привели его сiи слова, сшаралася разбишь его мысли разными вопросами; но сiе было шщешно. Нѣшъ, Шарлоша! вскричалъ онъ, я больше шебя не увижу! — Для чего же ешо, прервала она? Ты можешь, да и долженъ съ нами видѣшься, шоль-

ко умѣрь себя. Ахъ! для чего рожденъ ты съ такою горячностію и необузданною привязанностію ко всему тому, что тебѣ пріятно! Прошу тебя продолжала она, взявъ его за руку, умѣрь себя; какое многоразличное удовольствіе доставить ты себѣ можешь своимъ разумомъ, знаніемъ и дарованіями? Будь мужественъ, и истреби пагубную страсть къ той, которая кромѣ сожалѣнія ничемъ тебѣ отвѣчать не въ состояніи. — Онъ скрыпѣлъ зубами и свирѣпымъ окомъ глядѣлъ на нее. Она не выпуская руки его, говорила ему: Вертеръ, выслушай меня спокойно, хотя на одну только минуту, не чувствуешь ли ты самъ, что ты добровольно себя обманываешь и губишь? На что любить меня, меня когда я уже принадлежу другому? Я боюсь, что бы сіе не происходило только отъ невозможности владѣть мною. Онъ тотъ часъ вырвалъ отъ нее свою руку, и съ яростію взглянувъ на

нее вскричалъ: разумно! очень разумно! не Албертъ ли внушилъ тебѣ такое глубокомысленное умствованіе? Ето весьма тонко! — Ето всякъ сказать можетъ, прервала она. Какъ развѣ въ цѣломъ свѣтѣ не сыщется дѣвицы, которая бы могла исполнить желаніе твоего сердца! Прими на себя трудъ поискать ее, и я клянусь тебѣ, что ты оную найдешь. Я давно уже страшусь и въ разсужденіи тебя и въ разсужденіи насъ, сего состоянія, въ коемъ ты, самъ себя такъ ограничилъ. Преодолѣй себя! Путешествіе со всемъ тебя вылѣчитъ. Избери себѣ предмѣтъ, достойный всей твоей горячности, а по томъ съ онымъ къ намъ возвратись и наслаждайся съ нами удовольствіемъ искренней дружбы.

Всѣ сіи слова, отвѣчалъ Вертеръ съ сухою улыбкою, можно бы напечатать, и одобрить всѣмъ нравоучителямъ; любезная Шарлота,

дай мнѣ еще нѣсколько успокоиться, все будетъ исполнено — Но только прошу тебя Вертеръ, и примолвила она, не приходи прежде сочельника — Онъ хотѣлъ было ей отвѣчать, но на ту пору пришелъ Албертъ. Они другъ другу поклонились весьма принужденно, и стали расхаживать по комнатѣ оба съ равнымъ смущенїемъ. Вертеръ начиналъ съ нимъ рѣчь ничего незначущую и несвязную; а Албертъ требовалъ отчету у своей супруги въ домашнихъ дѣлахъ, которыя онъ ей поручилъ; но услышавъ, что еще не исполнены, выговорилъ ей нѣсколько колкихъ словъ, которыя пронзили Вертерово сердце. Онъ хотѣлъ итти, но не могъ, и промѣшкалъ до осьми часовъ. Досада съ обѣихъ сторонъ умножалась; на конецъ накрыли столъ, и Вертеръ взявъ свою шляпу и палку пошелъ домой, хотя Албертъ и унималъ его съ холоднымъ видомъ ужинать.

Пришедъ домой, взялъ онъ отъ слуги свѣчу и одинъ пошелъ въ комнату. Слышно было, что онъ по оной ходилъ, говорилъ съ великимъ жаромъ и плакалъ; на конецъ не раздѣвшись бросился на постелю, гдѣ нашелъ его слуга, которой въ двенадцатомъ уже часу отважился къ нему войти, не прикажетъ ли онъ себя разуть. Онъ позволилъ ему сдѣлать и запретилъ входить къ себѣ, пока онъ его не кликнетъ.

Въ понедѣльникъ по утру, двадцать перваго Декабря, написалъ онъ къ Шарлотѣ слѣдующее письмо, которое запечатанное найдено по смерти его на писменномъ его столикѣ и ей отдано. Я прилагаю оное здѣсь отрывками, какъ и слѣдовало ему быть по тогдашнимъ его обстоятельствамъ.

*

Все уже совершилось; я рѣшился умереть, о чемъ и пишу къ те-

бѣ, Шарлота, съ покойнымъ духомъ, и безъ всякихъ романическихъ восторговъ, въ заутрїе того дня, въ которой тебя въ послѣднїй разъ увижу. Когда сїе читать станешь, возлюбленная моя, то помысли, что хладная могила покрываетъ уже бѣдные остатки нещастнаго, который и въ поедѣднїе минуты своея жизни, не находилъ другаго блаженства, какъ собесѣдовать съ тобою. Я препроводилъ ужаснѣйшую ночь, Ахъ! что я говорю? ночь благоденственную, которая утвердила мое намѣренїе: я рѣшился умереть. Вчерашнїй день, когда я отъ тебя пошелъ, всѣ чувства мои были въ величайшемъ волненїи, все удручало мое сердце, и смертельная холодность обьяла бѣдственное и безотрадное мое бытїе. Съ нуждою могъ я дойти до своей комнаты; палъ въ иступленїи на колѣни и возопилъ: о великїй Боже! ты низпосылаешь мнѣ въ по-

слѣдній разъ отраду пролить горчайшія слезы! Тысяча разныхъ вображеній терзали смущенную мою душу, на конецъ единая и послѣдняя мысль предстала сія: Я умру! — По томъ легъ я спать, и пробудясь спокойно сего дня по утру нахожу, что сія мысль наполняетъ и занимаетъ мое сердце: я умру! — Не отчаяніе влечетъ меня къ сему предприятію, но убѣжденіе, что я все уже претерпѣлъ, и жизнію своею жертвую тебѣ; тебѣ Шарлота, ибо къ чему мнѣ сіе скрывать отъ тебя? Одному изъ насъ троихъ должно было умереть, такъ пускай я буду онымъ! о возлюбленная моя! признаюсь тебѣ, что часто вкрадывалась въ неистовое мое сердце сія ужасная мысль — чтобы умертвить твоего супруга — тебя! — и себя! — Но да испытаю сіе лучше надъ самимъ собою! — Когда прогуливаться станешь въ прекрасные лѣтніе вечера около го-

ры, то вспомни обо мнѣ, вспомни сколько разъ видала ты меня на оную восходящаго; по томъ взгляни на кладбище, гдѣ будетъ моя могила, какъ тихїй вѣтръ при послѣднихъ солнечныхъ лучахъ восколебаетъ высокую на ней траву. — Я былъ спокоенъ когда начиналъ сїе писать, а теперь вообразивъ все оное живо, рыдаю неутѣшно.

Въ десять часовъ по утру Вертеръ кликнулъ своего слугу, и одѣваясь сказалъ ему. Что какъ онъ намѣренъ чрезъ нѣсколько дней ѣхать, то чтобы уклалъ все его платье, при томъ велѣлъ ему со всѣми расчесться, собрать розданныя для прочтенїя книги, и выдать бѣднымъ впередъ на два мѣсяца денегъ, которымъ каждую недѣлю опредѣлено было отъ него нѣкоторое подаянїе.

Онъ велѣлъ подать себѣ обѣдать въ комнату, и по окончанiи стола, поѣхалъ къ управителю верьхомъ, котораго не заставъ дома, расхаживалъ по саду съ задумчивымъ видомъ, и казалось, что онъ нарочно скоплялъ въ послѣднiй разъ всѣ огорчительнѣйшiя для него напоминовенiя.

Однако дѣти не на долго оставили его въ покоѣ; они бѣгали за нимъ, и прыгая около него говорили, что когда пройдетъ завтра, и еще завтра да еще одинъ день, то они получатъ отъ Шарлоты праздничные подарки и расказывали ему о тѣхъ чудесахъ, которыя представляло имъ малое ихъ воображенiе. Завтра! вскричалъ онъ, и еще завтра, да еще единъ день! по томъ каждаго изъ нихъ нѣжно цѣловалъ, и хотѣлъ было ихъ оставить, какъ между тѣмъ самый меньшой мальчикъ шепталъ ему на ухо, что старшiе его братья изготовили поздравленiя на новой годъ, такъ

велики! одно для батюшки, одно для Алберта и Шарлоты и одно также для г. Вертера, и хотятъ ихъ поднести въ новый годъ по утру.

Сіи слова его сразили; онъ всѣхъ ихъ одарилъ небольшими подарками, сѣлъ на лошадь, приказалъ имъ кланяться отъ него батюшкѣ и поѣхалъ отъ нихъ съ полными слезъ глазами.

Онъ пріѣхалъ домой въ пять часовъ, и приказалъ своей служанкѣ не гасить огня даже и чрезъ всю ночь, а слугѣ укласть все въ сундукъ книги и бѣлье на дно а платье сверьху. Послѣ сего уповательно написалъ онъ слѣдующій отрывокъ своего письма къ Шарлотѣ:

* * *

Ты меня не ожидаешь. Ты думаешь, что я прежде сочельника тебя и не увижу. О Шарлота! сего дня, или никогда. Въ сочельникъ будешь ты уже имѣть сіе

письмо, будешь трепетать и омывать его слезами. Я хочу, я долженъ! — Какъ я доволенъ, что рѣшился!

Въ половинѣ седьмаго часу пошелъ онъ къ Алберту, и засталъ Шарлоту одну, которая весьма ужаснулась его посѣщенію; ибо она разговаривая съ своимъ мужемъ между протчимъ упомянула, что Вертеръ до сочельника къ нимъ не будетъ. Вскорѣ послѣ сего Албертъ велѣлъ оседлать лошадь и простившись съ нею сказалъ, что онъ хочетъ посѣтить въ сосѣдствѣ управителя для нѣкоторыхъ важныхъ дѣлъ, и такимъ образомъ поѣхалъ не смотря на бывшую тогда распутицу. Шарлота довольно зная, что онъ давно уже откладывалъ сіи дѣла, которыя должны его задержать тамъ цѣлыя сутки, почувствовала не-

довѣрчивость къ себѣ и была симъ чувствительно тронута. Она осталась одна, и при томъ огорченная; разсуждала о прошедшемъ, находила всю свою цѣну и любовь къ своему супругу, который вмѣсто обѣщаннаго ей щастія, начиналъ дѣлать жизнь ея злополучною. По томъ обращалась она мысленно къ Вертеру; она досадовала на него, но не могла его ненавидѣть. Тайная и ей самой неизвѣстная склонность, привязывала ее къ нему съ перваго ихъ свиданія, а по томъ уже послѣ толь долговременнаго и дружескаго обхожденія впечатлѣніе сіе осталось на вѣки незагладимо въ ея сердцѣ. На послѣдокъ горесть свою омыла она слезами, послѣ чего впала въ нѣкоторую пріятную задумчивость, которая часъ отъ часу больше умножалась. Но въ какое пришла она смущеніе, когда услышела Вертера идущаго на крыльцо и спрашивающаго у себя ли она. То-

гда поздо уже было дома не сказаться, и она не успѣла еще опамятоваться какъ онъ былъ уже въ комнатѣ. Ты все не сдержалъ своего слова, кричала она ему на встрѣчу! — Я его никогда и не давалъ, отвѣчалъ онъ — по крайней мѣрѣ для общаго нашего спокойствія, ты долженъ бы уважить мою прозьбу, продолжала она. Послѣ сего вздумала Шарлота послать за которою нибудь изъ своихъ приятельницъ, которая бы была свидѣтельницею обхожденія ея съ Вертеромъ, также и для того, что когда оная отъ нее пойдетъ, то Вертеръ изъ учтивства принужденъ будетъ ее проводить и чрезъ то оставитъ ее въ надлежащее время. Онъ принесъ, отдать ей нѣкоторыя книги; она спрашивала его о другихъ и въ ожиданіи своихъ гостей старалась вести рѣчь постороннюю, какъ между тѣмъ возвратилася служанка и объявила своей госпо-

жѣ, что одна извинялася не приятнымъ посѣщенїемъ родственницы, а другая тѣмъ что она не одѣта и въ худую погоду вытти не можетъ.

Препятствїе сїе потревожило Шарлоту, но вскорѣ невинность ея востала, и представила ей должную къ ней довѣренность. Она пренебрегала всѣ пустыя Албертовы подозрѣнїя, и чувствуя непорочность души своей, осталась при той мысли, которую имѣла, чтобы кликнуть къ себѣ служанку, и поигравши нѣсколько на клавирахъ для совершеннаго истребленїя своего замѣшательства, сѣла съ спокойнымъ духомъ на канапѣ возлѣ Вертера. Нѣтъ ли у тебя чего почитать, спросила она его? Нѣтъ, отвѣчалъ онъ. Отопри етотъ камодъ, продолжала она, въ немъ найдешь ты свой переводъ нѣкоторыхъ Оссїановыхъ пѣсней; я еще его не читала, желая оное

слышать отъ тебя, но ты съ нѣкотораго времени сталъ ни къ чему не способенъ. Онъ усмѣхнулся, пошелъ за тетрадью и взявъ оную началъ читать; ужасъ объялъ его сердце и слезы полилися изъ его очей, когда онъ дошелъ до того мѣста, гдѣ Арминъ оплакиваетъ смерть возлюбленной своей дщери.

„Я слышалъ стенанïе дщери мо„ей стоя одинъ на камнѣ омывае„момъ волнами. Вопль ея былъ многъ „и пронзителенъ, но отецъ ея не „могъ подать ей руку помощи. „Всю ночь простоялъ я на берегу, „видѣлъ ее предъ собою при сла„бомъ сïянïи луны, всю ночь слы„шалъ жалостный ея крикъ. Вѣтръ „былъ жестокъ, дождь ударялъ „сильно въ горы. Передъ свѣтомъ „голосъ ея ослабѣлъ, и она исчез„ла въ глазахъ моихъ, какъ вечер„нïй вѣтерокъ исчезаетъ въ бы„лïяхъ камней. Угнѣтенная горе„стïю она скончалась, и оставила

,,бѣднаго Армина одного! Я ли-
,,шился крѣпости моей въ сраже-
,,нїяхъ, лишился славы имѣть воз-
,,любленную дщерь.

,,Когда вихри свирѣпствуютъ
,,на горныхъ хребтахъ, когда бури
,,воздымаютъ волны, я сидя на
,,шумящемъ берегу взираю на сей
,,пагубный камень. Часто при исхо-
,,дѣ луны вижу тѣни дѣтей мо-
,,ихъ, которыя странствуютъ вмѣ-
,,стѣ въ печальномъ союзѣ,,,

Слезы, которыя полилися ручья-
ми изъ очей Шарлотиныхъ, и об-
легчили стѣсненное ея сердце,
прервали Вертерево чтенїе, онъ
бросилъ тетрадь, схватилъ ея
руку и обмывалъ оную горькими
слезами. Шарлота облокотясь на
другую закрывала глаза платкомъ,
и оба были въ ужасномъ движенїи.
Они находили точное подобїе бѣд-
ствїя своего въ судьбѣ сихъ не-
щастныхъ, чувствовали оное ра-
вномѣрно и соединяли свои слезы.
Глаза и уста Вертеровы прилѣ-

пясь къ ея рукѣ возжигали оную своимъ жаромъ. Страхъ объялъ ея сердце, она хотѣла удалиться, но горесть и сострадание дѣлали ее неподвижною; на конецъ съ нуждою нѣсколько оправясь просила его, что бы онъ далѣе продолжалъ; содрогающийся Вертеръ поднялъ тетрадь внѣ себя и прерывающимся голосомъ читалъ слѣдующее:

„Почто возбуждаешь меня весенный вѣтръ обольщая тѣмъ, „что оросишь меня небесною росою? „Время сокрушения моего приближается, и буря восхититъ мое листвие, завтра придетъ путникъ, „придетъ тотъ, которой видѣлъ „мою красоту, взоръ его повсюду искать меня станетъ, но больше „уже не увидитъ.„

Сила и выражение сихъ словъ какъ молниею поразили нещастнаго Вертера. Онъ бросился въ отчаянии къ ногамъ Шарлоты, и схвативъ ея руки, прижимаетъ оныя къ своимъ глазамъ и ко лбу и чрезъ то

нѣкоторымъ образомъ даетъ знать объ ужаснѣйшемъ своемъ предприятіи. Сіе предзнаменованіе проницаетъ въ сердце Шарлоты, чувства ея смущаются; она хватаетъ его руки, прикладываетъ оныя къ своей груди, наклоняется къ нему влекома будучи нѣкоимъ состраданіемъ, и воспаленнымъ своимъ лицемъ касается къ его лицу. Тогда вся вселенная предъ нимъ исчезаетъ; онъ беретъ ее въ свои объятія и жарчайшимъ лобзаніемъ покрываетъ трепещущія ея уста. Вертеръ! вскричала она томнымъ голосомъ, отворачиваясь отъ него, Вертеръ! говорила она, удерживая его слабою рукою, Вертеръ! возопила на конецъ съ твердостію благороднаго чувства; онъ не могъ сему противиться, выпустилъ ее изъ своихъ рукъ и въ безпамятствѣ повергся предъ нею. Шарлота отъ него вырвалась, и въ крайнемъ смущеніи колеблясь между любовію и гнѣвомъ съ досадою говорила: это

въ послѣдній разъ! Вертеръ! ты больше меня не увидишь. Послѣ чего бросила она еще нѣжнѣйшій взглядъ на нещастнаго, по томъ побѣжала въ свою комнату и въ оной заперлась. Вертеръ простеръ къ ней руки, но не дерзнулъ ее удержать; и лежалъ больше полу часа на полу прислонивъ голову къ канапе, пока услышалъ шумъ отъ служанки, которая пришла накрывать столъ. Онъ всталъ, бѣгалъ по горницѣ, и увидѣвъ, что онъ былъ въ ней одинъ, подошелъ ко дверямъ кабинета и громко кликалъ: Шарлота! Шарлота! еще одно слово, одно только, прости! — скажи — она не отвѣчала; онъ еще стоялъ — и просилъ ее — и еще становился, по томъ бросясь бѣжать закричалъ: прости! Шарлота! прости! на вѣки!

Вертеръ пошелъ отъ нее прямо къ городскимъ воротамъ. Часовые, которые его знали, тотъ часъ

его пропустили. Ночь была темна и мокра, по тому что и дождь и снѣгъ шелъ. Онъ прибѣжалъ домой въ одиннадцать часовъ. Слуга его примѣтилъ, что господинъ его былъ безъ шляпы, но не смѣлъ ему о томъ сказать, однако раздѣлъ его и видѣлъ, что все на немъ было вымочено. Шляпа же его послѣ того найдена уже на самой вершинѣ каменной горы, на которую не возможно, что бы онъ взошелъ безъ всякаго намѣренія въ толь темную ночь.

Онъ легъ, и проспалъ долго. Слуга, которой принесъ къ нему по утру кофе, нашелъ его за письменнымъ столомъ. Онъ присовокупилъ тогда слѣдующее въ письмѣ своемъ къ Шарлотѣ:

* *
*

Въ послѣдній, въ послѣдній, уже разъ отворяю я свои глаза! Увы! они больше солнца не увидятъ;

мрачный и густый туманЪ оное покрываетЪ. А ты природа облекись вЪ печальную одежду. Ты лишаешся сына, друга и обожателя своего. Шарлота! чувство мое безподобно, однако ничто сЪ мечтанїемЪ такЪ не сходствуетЪ какЪ сїи слова: се послѣднїй день послѣднїй! Шарлота! я етого не понимаю: послѣднїй! теперь я здоровЪ и на ногахЪ, завтра лежать буду распростертый на землѣ. ТакЪ что значитЪ умереть? Все что мы о смерти ни говоримЪ суть пустыя только воображенїя. Я видѣлЪ много умирающихЪ, но человѣкЪ такЪ ограниченЪ, что онЪ не имѣетЪ ни малѣйшаго понятїя ни о началѣ ни о концѣ своего бытїя. Теперь я еще свой, нѣтЪ, твой! твой! О возлюбленная моя! я вЪ мгновенїе — отлученЪ — исторгнутЪ — можетЪ быть на вѣки! — НѣтЪ, Шарлота, — нѣтЪ — возможно ли чтобЪ я, чтобЪ ты вЪ ничтоже-

ство превратилась? Мы существуемъ — въ ничтожество превратиться! — Что сїе значитъ? — Я и сего не разумѣю! звукъ таковыхъ выраженїй не проницаетъ въ мое сердце — мертвъ, Шарлота опущенъ въ могилу столь тѣсную, столь холодную, столь мрачную! — Я имѣлъ друга, женскую особу, которая все щастїе мое составляла въ безпомощной моей юности; она умерла, я провожалъ ея тѣло, стоялъ на краю могилы; когда стали опускать ея гробъ, когда услышалъ я шумъ передергиваемыхъ веревокъ, когда бросили первую лопатку земли и сїя земля глухо отдавалась по гробницѣ, по томъ глуше и еще глуше, и часъ отъ часу глуше, пока все было зарыто — Я палъ на землю объятъ ужасомъ смущенъ, внутренно терзаясь, но я не зналъ, что сдѣлалось со мною, и чему воспослѣдовать надлежало — смерть, гробъ! Я со всемъ не понимаю, что значатъ сїи слова!

Ахъ прости меня! прости! вчера! сїе мгновенїе должно бы быть послѣднимъ въ моей жизни. Увы! въ первой еще разъ, въ первый разъ проникло во мнѣ сладчайшее чувство, и воспалило мое сердце: она меня любитъ! меня любитъ! Уста мои горятъ и теперь тѣмъ священнымъ огнемъ, коимъ твои пылали; душа моя упоена новымъ источникомъ радости. Прости меня, прости.

Ахъ! я зналъ, что былъ тебѣ не противенъ, зналъ сїе по первому твоему на меня нѣжному взору, по первому руки прикосновенїю; но когда съ тобою раставался, когда видалъ Алберта возлѣ тебя сидящаго, я опять впадалъ въ сомнѣнїе и жесточайшую тоску.

Вспомни, какъ прислала ты мнѣ цвѣтковъ, послѣ скучнаго собранїя, въ коемъ ты не могла ни говорить со мною, ни подать мнѣ руки; я половину ночи препроводилъ стоя на колѣняхъ предъ ними, и

они впечатлѣвали мнѣ твою горячность. Но увы! впечатлѣнія сіи скоро опять изчезли!

Все проходитъ, но никакая вѣчность не погаситъ пламени, коимъ я вчера воспаленъ твоими устами, и которой и теперь въ себѣ ощущаю: она меня любитъ! рука сія дерзнула ее объять, уста сіи коснулись устамъ ея и произносили слова: она моя! ты моя, Шарлота! ты моя — вѣчно!

Албертъ супругъ твой! что до того нужды! супругъ! — Ето только на етомъ свѣтѣ — и на семъ свѣтѣ почитается за грѣхъ любить тебя, и изторгнуть изъ рукъ его въ свои объятія? Грѣхъ! Боже мой! такъ я себя за оный и накажу: Я вкусилъ сіе преступленіе, вкусилъ со всею его сладостію, и испилъ бальзамъ, укрѣпляющій и оживляющій мое сердце. Съ сего мгновенія ты стала моя. Такъ, Шарлота, ты моя. Я иду напередъ, иду къ общему нашему

отцу, пролїю печаль мою предЪ его престоломЪ, и онЪ будетЪ меня утѣшать до твоего прибытїя, а когда ты придешь, я побѣгу кЪ тебѣ на встрѣчу и схвативЪ тебя вЪ свои обЪятїя, пребуду уже сЪ тобою на вѣки неразлученЪ предЪ лицемЪ Всевышняго Творца.

Слова мои не есть мечтанїе или безумство, я оное яснѣе вижу приближась ко гробу. Мы будемЪ существовать, увидимся опять между собою, увидимЪ твою родительницу; я ее найду, узнаю и открою ей внутренность моея души. Твою родительницу, твое живое изображенїе —

* * *

Около одиннадцати часовЪ, ВертерЪ спросилЪ у своего слуги не возвратился ли АлбертЪ, и какЪ сей отвѣчалЪ, что видѣлЪ его проѣхавшаго, то онЪ послалЪ кЪ нему слѣдующую записку:

Одолжи меня въ дорогу своими пистолетами. Прости! будь здоровъ.

Нѣжная Шарлота препроводила ночь въ смущенїи и безпокойствѣ. Кровь ея была въ величайшемъ волненїи и печальныя чувствованїя терзали ея сердце. Не смотря на всѣ ея сопротивленїя горячность Вертеровыхъ объятїй нечувствительно вкралась въ ея грудь, но въ тоже самое время и образъ невинныхъ и спокойныхъ ея дней, съ сугубою прiятностїю представлялся въ ея мысляхъ. Она напередъ уже страшилась суровыхъ взоровъ своего супруга, насмѣшливыхъ и колкихъ его вопросовъ, когда онъ узнаетъ о Вертеровомъ посѣщенїи. Она никогда не лицемѣрила предъ нимъ, никогда его не обманывала, а тогда въ первый разъ увидѣла себя принужденною къ сей крайности. Отвращенїе и замѣша-

тельство, которыя они чувствовали предъ симъ, увеличивали въ глазахъ ея учиненный ею проступокъ; однакожъ виновника онаго не могла она возненавидѣть, ни положить намѣренія никогда болѣе съ нимъ невидаться. И такъ огорченная, лишь только пробудилась отъ слабаго сна, и не успѣла еще одѣться, какъ мужъ ея возвратился, коего присутствіе въ первый еще казалось ей несноснымъ; ибо между тѣмъ какъ дрожала она того, чтобы онъ не узналъ ея безсонницы и пролитыхъ ею слезъ, замѣшательство ея еще больше умножалось. Она встрѣтила его и обняла съ такою живностію, которая означала больше смущеніе и раскаяніе, нежели истинную радость, и чрезъ то самое обратила на себя вниманіе Алберта, который при распечатаніи нѣкоторыхъ писемъ ее сухо спросилъ: не было ли чего новаго, и не приходилъ ли кто? Она запинаясь отвѣчала: Вер-

терЪ вчера просидѣлЪ здѣсь около часа — онЪ умѣетЪ выбрать время, примолвилЪ АлбертЪ, и тотЪ часЪ пошелЪ вЪ свою комнату. Шарлота пробыла одна около четверти часа. ВидЪ любимаго и почитаемаго ею человѣка, родилЪ вЪ ней со всемЪ новое чувство. Она вспомнила всѣ его для себя услуги, его великодушіе и преданность, и укоряла себя худою за все оное ему заплатою. Тайное побужденіе заставило ее итти кЪ нему; она взявЪ свое шитье, вошла вЪ его кабинетЪ, какЪ она часто дѣлывала, и спросила его, не надобно ли ему чего? ОнЪ сказалЪ что ничего не надобно, началЪ писать, а она сѣла за работу. СимЪ образомЪ препроводили они около часа, АлбертЪ на конецЪ всталЪ и расхаживалЪ по комнатѣ; Шарлота начинала сЪ нимЪ говорить, но онЪ сЪ нуждою ей отвѣчая, садился опять писать. Сей поступокЪ не мало ее огорчилЪ и

тѣмъ больше ее мучилъ, что она старалась оное скрывать и силилась удержать свои слезы.

Между тѣмъ приходъ Вертерова слуги, еще больше умножилъ ея смущенїе. Онъ подалъ Алберту отъ господина своего цѣдулку, которой прочтя оную, сказалъ весьма холодно супругѣ своей: дай ему пистолеты. — По томъ оборотясь проворчалъ сквозь зубы: я ему желаю щасливаго пути — сїи слова поразили Шарлоту. Она насилу съ мѣста встала, подошла медлительно къ стѣнѣ, сняла содрогаясь пистолеты, обтирала по малу пыль съ оныхъ, и еще бы долѣе промедлила, если бы Албертъ не доказалъ ей взглядомъ, чтобы она отпустила поскорѣе человѣка. И такъ она принуждена была вручить ему сїе пагубное орудїе, не могши при томъ ни слова промолвить, и когда тотъ ушелъ, то она сложивъ свое шитье, пошла въ свою комнату поражен-

ная смертельною горестію. Сердце ея предвѣщало ей ужаснѣйшія бѣдствія. Иногда хотѣла она броситься къ ногамъ своего супруга, расказать ему обо всемъ на канунѣ происшедшемъ и открыть свою погрѣшность и предчувствіе о нещастномъ предпріятіи Вертера; по томъ мыслила она, что склонить Алберта иттить самому провѣдать Вертера. На конецъ часъ обѣда наступилъ и пріятельница, которую Шарлота уняла отобѣдать, сдѣлала сколько нибудь бесѣду сносною. Супруги должны были себя принудить, и обѣдъ прошелъ изрядно.

Вертеръ узнавъ что Шарлота сама вручила слугѣ пистолеты, съ восхищеніемъ принялъ ихъ, онъ велѣлъ подать себѣ хлѣба и бутылку вина, слугѣ приказалъ иттить обѣдать, а самъ сѣлъ писать слѣдующее.

* ❀ *

Они были въ рукахъ твоихъ, ты съ нихъ обтирала пыль, я тысячу разъ цѣловалъ ихъ , по тому что ты имъ прикасалась: Ахъ! безъ сумнѣнія небо прiемлетъ и споспѣшествуетъ намѣренiю моему. Ето ты, Шарлота, которая подаешь мнѣ орудiе смерти, а отъ твоей то руки я и желалъ оную получить, что по желанiю моему теперь и получаю. Я распрашивалъ слугу своего, ты съ трепетомъ ему ихъ вручила; но ты не сказала мнѣ прости —нещастный я! нещастный я! не сказать прости — та минута, которая на вѣки меня съ тобой съединяетъ, не ужъ ли лишила меня сердца твоего? Шарлота, ничего на свѣтѣ не можетъ истребить впечатлѣнiя сего, и я чувствую что ты не можешь ненавидѣть того, который такъ пламенно тебя любитъ.

* * *

Послѣ обѣда онъ со всемъ велѣлъ укласться, много передралъ бумагъ. и пошелъ для расплаты небольшихъ долговъ. По томъ возвратился домой, и нѣсколько погодя пошелъ за городъ не смотря на дождь и ненастье; онъ прежде ходилъ въ Графской садъ, а тамъ и далѣе въ поле. Онъ пришелъ домой въ сумерки и сѣлъ писать.

* * *

Другъ мой, я теперь въ послѣдней разъ видѣлъ горы, лѣса и небо. Прости! любезнѣйшая мать! отпусти мнѣ вины мои: другъ мой, тебѣ я поручаю утѣшать ее. Да благословитъ васъ Богъ! дѣла свои я всѣ привелъ въ порядокъ; будьте здоровы, мы увидимся, въ щастливые дни увидимся.

* * *

Я худо тебѣ заплатилъ дружбу твою, Албертъ, а ты меня

прощаешь; я нарушилъ спокойствіе семейства твоего, я произвелъ несогласіе между вами. Прости, кончу всѣ сіи неустройства; дай Боже, чтобы смерть моя сдѣлала тебя щасливою! Албертъ, Албертъ, устрой щастіе Ангела, которымъ ты обладаешь, и да будетъ Всевышняго благословеніе надъ тобою.

Вечеромъ долго еще разбиралъ онъ свои бумаги, нѣкоторыя раздравъ бросилъ въ огонь, а протчія запечаталъ и надписалъ Вильгельму. Въ оныхъ содержались мѣлкія сочиненія, многія разсѣянныя мысли, изъ коихъ я нѣкоторыя читалъ. Въ десять часовъ онъ велѣлъ подложить еще въ каминъ дровъ, и принесть полбутылки вина, а слугу, который жилъ совсемъ въ особливыхъ покояхъ съ протчими служителями того дому, отослалъ ночевать. Онъ не раздѣваясь легъ на постелю, дабы скорѣе быть готову къ отъѣзду, по тому, что госпо-

динЪ его сказалЪ ему, что почтовыя лошади будутЪ вЪ шестомЪ часу готовы.

* * *

ВЪ одиннадцать часовЪ. Повсюду окрестЪ меня царствуетЪ тишина, и душа моя наслаждается спокойствїемЪ! благодарю тебя Господи, что вЪ сїи послѣднїя минуты даруешь мнѣ столько силы и крѣпости духа.

Я подхожу кЪ окошку, возлюбленная моя, и сквозь облака сильнымЪ вѣтромЪ быстро гонимыя, я зрю, еще зрю нѣсколько блестящихЪ звѣздЪ на вѣчно незыблемой тверди небесной. О сїяющїя свѣтила! нѣтЪ, вы не будете разрушены; Превѣчный и васЪ и меня сохранитЪ вЪ нѣдрахЪ своихЪ. Я еще видѣлЪ большую медвѣдицу, изЪ всѣхЪ любезнѣйшее для меня созвѣздїе; когда я вЪ нощное время отходилЪ отЪ тебя, когда оставлялЪ твое жилище; то она

всегда оное освѣщала. Съ какимъ восторгомъ я взиралъ на нее! Часто простирая къ ней свои руки, призывалъ ее во свидѣтельницы настоящаго моего блаженства! И еще — О! Шарлота! если такая вещь, которая бы тебя на память мнѣ не приводила? Ты и теперь меня со всѣхъ сторонъ окружаешь, и я подобно дитятѣ собралъ около себя всѣ тѣ бездѣлки, которыя прикосновенїе твое священными учинило?

Любезнѣйшїй для меня твой портретъ! Я тебѣ его возвращаю Шарлота, и прошу, чтобъ ты его почитала. Я лобызалъ его тысящекратно, и каждой разъ выходя, и возвращаясь въ домъ, кланялся и воздавалъ должное ему почтенїе.

Я написалъ записочку къ родителю твоему, въ которой прошу бѣдное тѣло мое предать погребенїю. На концѣ кладбища, къ самому полю, есть двѣ прекрасныя липы; тутъ желаю я, чтобъ по-

чилЪ прахЪ мой. ОнЪ можетЪ и конечно сдѣлаетЪ сїе для своего вѣрнаго друга. Присоедини свои кЪ моимЪ прозьбы; я не думаю, чтобы богобоязливые Христїане быть захотѣли подлѣ погребены такого нещастнаго трупа. АхЪ! желалЪ бы я быть положенЪ вЪ какой нибудь уединенной долинѣ, или лутче при большой дорогѣ, дабы священникЪ и ЛевитЪ идучи мимо моей могилы благословилЪ Всевышняго, а СамарянинЪ пролилЪ бы надЪ нею слезы.

Шарлота! я не содрагаюсь приемля страшную чашу смерти Ты мнѣ оную подаешь, я не могу ее отринуть. Все уже совершилось; всѣ желанїя мои, вся надежда жизни моей исполнилась! Хладнѣю, окаменѣваю, уже отверзаются предо мною мѣдныя врата смерти.

Почто я лишенЪ того щастїя, чтобы умереть за тебя, дражайшая Шарлота, чтобы жизнѣ свою принести за тебя на жерт-

ву! Я бы умеръ мужественно, и съ великою радостїю, еслибъ тѣмъ возвратилъ тебѣ спокойствїе и благоденствїе твоея жизни. Но увы! щастїе пролить кровь свою за любезнѣйшихъ особъ, и сею жертвою умножить блаженство ихъ, предоставлено весьма малому числу мужей знаменитыхъ.

Я желаю, Шарлота, быть погребенъ въ томъ самомъ платьѣ, которое теперь на мнѣ: оно священно, ты къ нему касалась. Я о семъ также и родителя твоего просилъ. Душа моя летаетъ уже надъ гробницею. Прошу чтобъ не объискивали моихъ кармановъ. Сей розовой бантикъ, который украшалъ грудь твою, какъ я въ первый разъ увидѣлъ тебя посредѣ дѣтей, (сихъ любезныхъ дѣтей, кажется мнѣ я теперь вижу прыгающихъ около меня; расцалуй ихъ, разскажи имъ о судьбѣ нещастнаго ихъ друга: ахъ! какъ я къ тебѣ прилѣпился, съ той

первой минушы, и до сей послѣдней не могЪ я шебя оставишь); сей розовой баншикЪ долженЪ бышь со мною погребенЪ. Ты меня имЪ подарила вЪ день рожденїя моего: сЪ какою жадносшїю я принялЪ оной! Увы! не предвидѣлЪ я, что пушь сей приведешЪ меня кЪ шакому концу! — будь спокойна, для Бога, будь спокойна —

Пистолешы заряжены — двенадцашь бьешЪ — часЪ насталЪ — Шарлоша! Шарлоша! прости! прости на вѣки! —

СосѣдЪ видѣлЪ сверкнувшїй огонь, и услышалЪ высшрѣлЪ; но какЪ все было спокойно, шо онЪ о шомЪ болѣе и не думалЪ.

ВЪ шесть часовЪ по ушру, слуга вошелЪ кЪ нему со свѣчею, нашелЪ его поверженнаго на полу вЪ крови, и предЪ нимЪ пистолешы; онЪ кличешЪ его, обнимаешЪ его: но никакого ошвѣша не получаешЪ; онЪ чушь шолько дышешЪ; слуга побѣжалЪ кЪ лѣкарю и кЪ Албер-

ту. Шарлота слышитъ звонокъ, трепетъ ее объемлетъ: она разбужаетъ супруга своего; оба встаютъ съ поспѣшностїю: слуга съ воплемъ и слезами разсказываетъ имъ печальное произшествїе. Шарлота лишась чувствъ, падаетъ предъ Албертомъ.

Когда лѣкарь пришелъ къ нещастному Вертеру, онъ лежалъ на полу; пульсъ у него еще бился, всѣ члены ослабѣли; пуля прошла по выше праваго глазу и вышибла мозгъ. Ему пустили изъ руки кровь, оная пошла, и онъ все еще дышалъ.

Можно было судить по крови, бывшей на креслахъ, что онъ застрѣлился сидя за писменнымъ столомъ. По томъ онъ упалъ, мучился и терзался около стула, и найденъ уже лежащъ на спинѣ у самаго окна. На немъ былъ синей фракъ съ жолтымъ камзоломъ и штанами, и сапоги. Домашнїе и сосѣды, а по томъ и весь го-

родъ возмутился. Албертъ пришелъ. Вертеръ былъ уже положенъ на постелю, голова у него была завязана, смертная блѣдность покрывала уже лице его, всѣ члены были неподвижны, онъ еще страшно храпѣлъ, то тише, то крѣпче: всякую минуту ожидали его кончины.

Онъ выпилъ, какъ можно было видѣть, одну только рюмку вина; Емилія Галотти лежала развернутая на столѣ его.

Я ничего нескажу объ отчаяніи Албертовомъ, ни о сокрушеніи Шарлоты —

Старой управитель услыша вѣсть сію, безъ памяти прискакалъ; онъ бросился цѣловать умирающаго, проливая горчайшія слезы. Старшіе его сыновья скоро за нимъ послѣдовали; они въ чувствительной скорби бросились на колѣни передъ кроватью, и цѣловали у него уста и руки. Старшей сынъ, котораго онъ больше всѣхъ любилъ, до-

самой кончины лежалъ у него на груди. И по томъ съ нуждою могли отвлечь его отъ тѣла. Въ двенадцать часовъ Вертеръ испустилъ послѣднее дыханіе. Присутствіе управителя и взятыя имъ предосторожности, удержали стеченіе народа; ночью около одиннадцати часовъ велѣлъ онъ погребсти тѣло Вертерово въ назначенномъ имъ мѣстѣ. Онъ съ сыновьями проводилъ его; Албертъ не въ силахъ былъ ему послѣдовать, а Шарлота была въ опасности жизни. Ремесленники несли тѣло; но ни одинъ священникъ не проводилъ онаго.

Конецъ второй и послѣдней части.

